

A watercolor illustration depicting a scene in a rural setting. In the foreground, a man with a dark beard and hair, wearing a brown tunic, stands on the left. Two children, a boy with blonde hair in a light blue shirt and a girl with dark hair in a reddish-brown dress, are seen from behind, looking towards two horses. One horse is dark brown with a white blaze on its face, and the other is a lighter brown. In the background, another horse is grazing in a green field under a bright sky.

Копылова Глафира Петровна

12+

Дарья Рябинина

Роман

Глафира Копылова

Дарья Рябинина о людях Сибири

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Копылова Г. П.

Дарья Рябинина о людях Сибири / Г. П. Копылова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман о девушке-сибирячке, из реальной жизни, о любви, о людях Сибири из глубинки, время писания романа – под старину. Очень много старинных слов, которые говорили в то время.

Копылова Глафира Петровна.

Окончила среднюю школу.с.Тесь.Красноярского края.

Была фронтовичкой с 1942 по 1945 года шоферила. Пошла добровольцем. Родилась с. Тесь ,Минусинского района.Красноярского края . Рано осталась

без родителей. Было два брата – Анатолий и Семен Мажарины.После войны вышла замуж за Копылова С.М.Родила в браке 8 детей, выростила всех.Внуков одних только 24,и правнуков.Прожила счастливую жизнь.

Писала часто и много. Стихи её читают дети ,и

взрослые.Вышел роман в мягком переплете 2018г."Дарья Рябинина"о людях сибире.Сколько души вложил автор в свой роман,не передать! Начало писание романа послевоенные годы.

"Обещание любящей женщины."

Никому я тебя не отдам
Ни на день, ни на год, ни на час.
Пусть ругают меня и бранят
По законам, какие сейчас.
Все на свете стерплю за тебя,
Все изведаю, все испытаю,
Птичкой малой взовьюсь в небеса,
Ручейком проберусь, протекая.
Никому я тебя не отдам,
Никому я отдать не мечтаю
Вдруг когда-то какая-то грубая дрянь
Отобрать у меня пожелает.
Но такой беспокойной любви,
Никогда я еще не встречала,
Хоть взлети в поднебесную высь
И падай оттуда устало.
И пока я еще молода,
Чувствую силы любовны,
Не смотрю никогда на года:
Эти мысли тяжки и греховны.
Все на свете стерплю за тебя,
Все изведаю, все испытаю,
Птичкой малой взовьюсь в небеса,
Ручейком проберусь, протекая.
Не позволю погибнуть ему,
Обласкаю любовью и силой,
Обещаю и помогу,
Что бы со мной не случилось!

Мужской ответ.

Ты – ласточка моя сизокрылая,
Ты ужасно дорогая, ты моя милая.
Я люблю тебя всегда, даже сонную,
Не покину никогда, моя законная.

Ты, как солнышко вверху
Ярко светится, ты, как звездочка в ночи,
Тихо мечешься.
Ты – ласточка моя сизокрылая,
Ты ужасно дорогая – моя милая
Я люблю тебя, люблю, любовь приметная,
Ты мечта моя, мечта, мечта заветная.
Ты – ласточка моя сизокрылая,
Для меня ты дорогая,
Моя милая!!!

Стих автора о войне. "Начало"

Я помню день, когда гремело с юга,
Горел закат бывшего дня.
Я шла едва, державшая подруга,
Чуть посмелей, вела меня.
Она вела и умоляла: иди пожалуйста,
Уж вон народ.
Но что ты, милая, не падай,
Не падай, а иди вперед.
Разбитые колени ног и руки,
Обрызганное кровью все лицо,
Разбитая машина, только дуги,
И дуги тоже согнулись как кольцо.

Кабина смятая – в песок.
Сиденье все, как после боя,
Пружинки взвились, кто как мог.
Кто нас побил, кто нас разрушил!
И сами мы лежали на земле,
В глазах темно, в ушах все глухо,
Вдруг стало первой, светло мне.
Я поднялась, пошла, шатаясь,
Напарница пока что не в себе,
Но она тоже сразу же очнулась
И, сидя, протянула руки мне.
Пошли мы обе, и слава Богу.
Она как будто посмелей,
И тут она увидела дорогу,
И далеко вдали своих людей.
И мы брели, как сонные шатались,
Шагали молча, без дорог,
Уставшие, разбитые, мы сильно напугались,
Голова кружилась, тело ныло,
Почти что у порога мы валялись с ног.
Как трудно все: и снег, и грязь и слякоть,
Глубокие воронки и металл,
Тела убитых и полуживые,

Заклятый враг нас раскидал
Навстречу нам бежали люди,
И каждый помощь предлагал,
Откуда силы шли, откуда –
Никто не видел и не знал.

И вспомнила про свой сапог,
И как-то резко распрямилась,
Что снова повалилась с ног.
И только на минутку удивилась:
Но почему она несла сапог?
Глаза мои, как тьмой закрылись,
Язык уж двигаться не мог!
Потом недолго две минуты,
Темно, темно – и сразу свет,
И снова все ко мне вернулось
Вот только памяти-то нет.
Смотрю и вижу: люди ходят,
Но вспомнить, где я, не могу
Там наши люди вокруг бродят
И смотрят на мою беду.
Меня в палатку положили,
К палатке на руках несли,
Все косточки мои застыли,
Но все равно меня спасли.
И снова я веду машину,
И снова я опять в строю
Чужой закат уж догорает,
Я Родину люблю свою!!!

Глава 1. романа "Дарья Рябинина"

Павел постучал в окно своей не узнаваемо замершей
избушки, но ответа не последовало. Он немного подождал и снова постучал несколько
раз.

Мороз жал, трещало и выло вокруг, с головы срывало холодную шапку, пропитанную
грязью и потом. Было невыносимо зябко стоять на сухом от мороза снегу. Избушку его родную,
где оставил он семью, занесло глубоким снегом.

Наконец внутри зашевелились. Павел, стоя у окна, ждал.

– Мама, кто-то стучит, чуешь? – тихо прошептал с испугом
мальчик.

Не ожидавшие в такой поздний час никого, в доме затаились,
какой-то страх враз охватил всех.

– Задуй лампу, Петенька, – почти крикнула мать сыну, – засов
скорей толкни. Кто там, поди, пьяный, лешак его принес на свет.

Петька мигом слетал в сени, шурнул железный засов, дунул в
лампу и шмыгнул на печь.

Арина весь день грустила. То ей казалось, что где-то в снегу

лежит бездыханный её Павлуша, то вот ползет с обмороженными руками по пустой степи, то с побелевшими зрачками от мороза лежит на спине и не дышит, то вдруг – винтовка примерзла к щеке её милого Паши. Весь день грустила отчего-то Арина, а тут еще такая буря : шумит кругом, воеет – такая тоска! Слезы сами катились по щекам.

Лампа слабо коптилась и наконец стала гаснуть, медленно, с копотью по стеклу и гарью по дому. Железная печь давно

потухла и почернела изба, стало заметно выстывать. Стук в окно встрепенул всех, а гул в трубе и скрежет ставней не закрытых окон наводил такой ужас, такой страх, что дети прижались на печке к трубе, слушали страшное непонятное завывание. В трубе завывала выюга. По окну хлестал ветер, застывшим снегом и заметал оконные переплеты. Незакрытый ставень нудно скрипел крючком по стене, царапал, скреб о неё.

Хотелось выть от такой страшной ночи. Думалось о ведьмах из книг и о других страхах, а тут как нарочно кто-то стучит окно. Повторный стук насторожил Арину: «Да кому там вздумалось стучать в такую стужу?».

Она несмело подошла к окну и тут же отшатнулась: через замерзшие стекла двойных рам она увидела лицо, устремленное прямо на неё. За окном стоял большой, грузный человек с замороженными усами и побелевшими бровями.

Арина упала на лавку, протянутую вдоль стены, руки и ноги её мелко затряслись от испуга.

– Матушки, что же это такое, кто там стоит, кому надо нас пугать? Но в это время Петенька как раз догадался, иль сильно за мать испугался, что ни с того ни с сего вдруг упала она, – быстро засветил огонь. В комнате потеплело, стало уютнее и совсем не страшно. Он услышал, как кто-то зовет его : – Петюнька, сынок, открой, – и в окне снова показалось лицо никогда не забываемое лицо Павла, отца родного, дорогого для них человека.

– Тятка-а! – что есть силы закричал Петька, – тятка, мама, наш тятка, – сам, босой, стрелой кинулся в сени срывать засов и пустить отца, совсем закоченевшего, в избу.

Арина хотела встать, но ноги снова подкосились, и она рухнула на лавку. Петька мигом вылетел из избы, распахнул дверь и повис на шее отца в замороженном шинели, с льдинками на усах.

Отец расцеловал сына и медленно ввалился в избу. Только тут Арина поняла, что это он, живой, родной, любимый, её Паша, её Павел, друг и защита, её радость и счастье!

Она заплакала от радости и вдруг огорчения:

– Ноги-то, нет ноженки, Паша, – прошептала она чуть слышно. Обхватила его лицо руками и горько плакала, – и глазика то тоже! Паша, Пашенька, горюшко ты моё ненаглядное, – что неровно стоит её богатырь, красавец писанный, знаменитый танцор и певун, гордость всей деревни – её Павел.

– Помогите мне шинель снять, Ариша, совсем озяб, чуть у родного дома концы не отдал.

Арина проворно потянула за рукав, но лишнее усердие чуть не сбilo его с ног, огромного Павла. Он сел и подозвал детей. Детишки прижались, как воробушки, боясь пошевелиться: как

бы не толкнуть тятку, а вдруг снова исчезнет – как в сказке. Они понимали, что в их дом вместе с радостью пришло и

большое горе. Как он терпит – ведь ноги-то нет, совсем нет, ему так больно!

Но дети есть дети. Что им нога? Лишь бы тятя живой – он такой сильный, такой самый-самый хороший!

– Ну, будет, Ариша. Или ты недовольна живости моей? Что ж, я уйду тогда.

Он хотел подняться, но дети разом закричали: «Нет! Нет!» И

мать тоже: «Брось, Паша. Я – сейчас, что же мы сидим,

милий, ужинать будем, я мигом», – и засуетилась от стола в куть, из кути к столу.

Весть, что Павел вернулся с фронта, быстро облетела

деревню. Ехал-то он с попутными ямщиками, те и успели уже

пустить по улице новость. Скоро стали собираться люди, один по одному, и

набралась полная изба, а на печке с десятков ребятишек, все тарасили глазенки и тихо шептались.

Мать быстро собрала на стол, поставила четверть самодельного вина и пригласила гостей к столу, которые не

погнушались, пришли проведать её дорогого гостя.

До поздней ночи поздравляли Павла с возвращением, а Арину

со встречей мужа. Сами же в душе жалели: достанется,

бедной, при безногом-то муже.

А на следующий день народу собралось еще больше. И снова

пили за возвращение и желали всего самого. А чего желать,

когда знали все, что сколько бы не желали, а будет то, что и видят на самом деле.

И так потекло время день за днем, месяц за месяцем, шел тысяча девятьсот четырнадцатый год, шла война. Нога у Павла болела,

не давала покоя, ныла. Все тело израненное пронизывало холодом, раны не заживали.

А жить-то надо – семья, двое детей и жена.

Арина жалела мужа: «Лечись, Паша, пригодится еще твоя

сила, а я сама», – взваливала на себя всю работу.

Зима лютовала, щипала колени, нос и щеки, а печь своего требует, ей подай.. Да и скотина кой-какая: сено, соломку ей,

водичку, а то и теплого пойлица. Все делала она своими руками, но как ни

тяжело было, а знала, что Паша дома, что он живой, отец её семейства. Хоть и без ноги, да лишь бы живой. Трудно детям

без отца, а ей без мужа, хоть он и не помощь ей, но Арина

металась по двору как угорелая, веселая и помолодевшая.

Прошла зима, прошло лето, а осенью они собирались в ее родное село, за ягодой. Надо же на зиму запастись – и за

двадцать пять верст там тайга глубже, да и ягоды растет видимо-невидимо.

Награзили кадушками и ведрушками свою телегу и ещё затем но двинулись в путь. Дорога предстояла длинная, для

небольших детей утомительная, а все же настолько интересная, что они от радости повизгивали. Хоть и рано поднялись, но бодрились. В дальнюю дорогу их всегда брали, но в этом году – впервые, поэтому

они страшно радовались, тем более, что сами родители никуда не ездили.

Миновали большое поле, а там начались деревья, высокой,

сплошной стеной и без конца: сосны, березы и кустарники.

Тятенька свалился на спину и так лежал, разглядывал небо,

мелькавшее между кустами. Это было начало тайги. Дашка прижалась рядом, смотрела на обрывки голубого неба с белыми проплывающими облаками. Дни стояли теплые, ские, по утрам туманились. Ягод было очень и очень много разных, какие рождались в Сибири. Особенно много было брусники, крупной, красной с белым бочком. Кислицы и смородины тоже. Год выдался ягодный, грибной. В бору глухо, темно, сыровато. Птицы поют и свистят на разные голоса.

Где-то шуршит валежник, то затрещит подгнившая сосна, падая вниз. Шумит между ветвей ветер. Страшновато в бору, но заманчиво, таинственно, как-то даже сердце замирает не только у детишек, но и у взрослых. Молчат Петенька и Дашка. Вдруг кони остановились. – А что мы встали, тять? – спросил Петька.

– Ладно, валяй – лежи, сейчас узнаем, – и в это время мать

– Арина спустилась с рыдвана и попала на такую густую лужайку, где все усыпано было темно-бурой брусникой, обежала вокруг и давай брать, наклонясь чуть не до земли. Потом подошла к подвода:

– Паша, полазим тут – так много здесь ягоды. Ехать не надо дальше – обыденкой обойдемся. Километров десять, пожалуй, отъехали от дома, вернемся засветло.

Отец круто свернул с дороги, отъехал подальше и распряг лошадей. Буланый-то свой, а Гнедка попросил у брата – вдруг и наберут чего, так будешь тащиться до дому полгода, на одном – то коне, потому и взял у брата.

Мать любила собирать ягоды. Сделает пальцы грабельками и гребет обеими руками – только шум стоит. Ребятишки, сначала собирали голова, то за птичкой какой-то невиданной увязались бегать, то спать захотелось.

Между тем отец с матерью уже заканчивали сборы, решили отправляться домой, обратно. Невыносимо ныла натруженная нога у Павла. Вечерело. Нагруженные кадушками да ведрами, заполненными до краешка, радостно отправились в обратный путь.

Жаль расставаться с таким богатым местом, другого такого не будет. Это уж как всегда – бросишь одну полянку, думаешь, лучше найдешь, – хват, а такой не будет. Рад вернуться обратно, но сколько ни кружи – не найдешь её.

Пока выезжали из леса, стало заметно и быстро терпеть.

Ехали тихо, шагом. Отдохнувшие кони рвались в дорогу, особенно домой, но отец придерживал – нагрузились-то

порядком, да и ребятишки улеглись да уснули, жаль трясти. Вот еще один поворот, и конец окраине тайги, тут уж будет посветлее, да и дорога своя да ровная.

Как вдруг из-за поворота вылетает один, за ним

другой и третий на здоровенных конях три темных обросших мужика, подлетают к подводе, встали с двух сторон, и один из

них самый молодой, сказал:

– Стой, хозяин, разговор есть.

Отец остановил лошадей.

– В чем дело? – тихо спросил он. Павел понял в чем дело. В

те времена, особенно начиная с памятного четырнадцатого года, бродили по дорогам и тайге недобрые люди, не только по лесам, но и

даже по поселкам и околу. Они искали, чем бы поживиться,

лишь бы кого прибить, потешиться, ограбить, одним словом, разбойники. Понял Павел, что за люди повстречались ему на глухой дороге, но нашёлся:

– Здорово, робята (по-старому называли робята), но никто ему не ответил.
– Да-а, – протянул один, – и удача же добрая, – хмыкнул он.
– Что везешь? – ткнул кнутовищем другой.
– Смотри – сам видишь! Ягоды да грузди – чего больше в боруто бывает.
– Кое-что и бывает, – заухмылялся один.
– А не золото? – пошутил другой. – А это что?
– Ребенок! – ответил отец. Девка?
– Дочка, дочка моя, Дашутка, – заметно заволновался отец.
Впереди на подстеленных тряпках лежала пятилетняя Дашутка.
Её черные волосенки разметались по лбу. Щеки горели огнем.
Платьишко из тонкого холста, окрашенного в синий цвет, и такие же самодельные белые кружева на воротничке и рукавчиках красиво обрамляли личико девочки. Петька проснулся и сел рядом, сердито поглядывая на таинственных дядек, чего-то хотевших от них. – Отдай, дядька, нам вашу ляльку!
Мать обмерла. Отец часто заморгал глазом, второго не привез с фронта.
Молодой настойчиво повторил свое требование.
– Мы её вырастим, озолотим. Хочешь, тебе кое-что подсыпем, отдай, не то силой возьмем!
Петька заорал, жалея сестренку. Старый грабитель хлестнул толстым коротким хлыстом по бочонку, напуская страху на ребенка, и косо поглядел на него.
Арина, чуть живая, сидела молча. Её трясло, но она надеялась на мужа. «Неужели он может спокойно отдать ребенка на растерзание – мелькнуло в голове, – свою маленькую дочку, не заступится, не постоит. Нет, надо обоим защищать свое чадо, в случае чего.
Если только отберут ребенка – уйду в лес, пусть не обижается». И не вернусь больше.
Грузные, здоровущие, обросшие большими бородами и усами, встречные угрюмо смотрели, готовя, возможно, им страшную казнь, для этого мужика с его семьей и его конями. Прошло несколько минут, как будто целая вечность, и вдруг самый ближний, самый молодой всадник-бандит хотел было схватить ребенка, уже сделал движение вперед, наклонив немного свое тело, как вдруг его конь рванулся в сторону и не мог никак подойти или стоять на месте.
Всадник не мог быстро близко подъехать, поставить коня вплотную с людьми, остальные ожидали, что будет дальше делать их предводитель. Один момент, и он оказался, рядом. Еще рывок, и ребенок мог оказаться в седле бандита.
Павел поднял кнут, приготовился хлестнуть нападавшего, но Арина потянула его сзади за рубаху, тихо шепнув: «Уймись, Паша, одолеют – убьют!»
Вторая, левая нога была просто деревянная, аккуратно выстроганная чурка, к которой ремнями прилаживалась небольшая култышка.
Бандит быстро отступил и вытаращил глаза при виде такого уродства.
– Стой, братцы, – скомандовал он, – мы такого не тронем. Езжай, браток – мы пошутили. Лежачего не бьём, – и медленно отступили, тесня друг друга конями.
Молодой вернулся снова и попросил закурить у Павла. Павел

дрожащими руками достал из кармана кисет и подал ему молча.

– Бери сколько надо, свой домашний, крепкий, – услужливо сказала Арина, – и не узнала своего голоса.

Павел тоже не узнал голоса Арины, настолько изменившегося и постаревшего, что казалось, будто с ним рядом сидела не

жена его, а какая-то старая, незнакомая старушка. Хриплый голос её так странно дребезжал, срывался, как после долгой и страшной болезни, едва не унесшей её на тот свет.

Молодой здоровенький разбойник, не слезая с коня, протянул руку, кнут, и принял кисет, повертел его со всех сторон, отсыпал на ладонь табаку и снова подал его владельцу, кинул свой следом, улыбаясь. Кисет упал рядом с девочкой, все еще спавшей.

Хлестнул коня и скрылся за поворотом. Ошеломленный происходившим отец постоял еще какое-то время, кое-как

взромогнулся на подводу и медленно тронул поводья.

Петька сопел. Мать тихо всхлипывала, у ней после того, как уехали бородачи, отнялись руки, её колотило, катились слезы, трудно дышалось сквозь сдавленное горло.

– Мам, а чё он кинул к нам?

Мать ничего не ответила, о чем-то напряженно думала, хотя и видела она, что тот что-то бросил, но не дошло до её сознания, что именно.

Петька, наревевшись за Дашку, поговорив с матерью, лег рядом с Дашкой, обхватил её ручонкой и уснул снова. Подвода тихо двигалась по мягкой пыльной дороге.

Мать накрыла детей старой курткой отца, сидела за спиной мужа, поминутно оглядывалась: не воротились бы разбойники, не напали бы снова.

Стало совсем темно. Вечер стоял какой -то скучный, смрадный, тоскливый. Выехали в свой двор.

Собаки громким лаем встретили хозяев. Но узнав, затихли.

Отец устало хлопотал около лошадей. Мать собрала все лохмотья, внесла в сени.

И вдруг звонко стукнул, ударившись о пол, какой-то

предмет. Мать ногой нащупала его, подняв, внесла в избу, заглянула внутрь. Испуганно вскрикнула, чуть не выронив его:

там были большие золотые монеты – деньги, каких она еще в жизни своей не видывала.

В это время вошел в избу отец. Мать кинулась к отцу

и дико закричала.

– Отец, да что это такое? Мы кого-то ограбили, матушки-святые-ы, – подала отцу кошелек.

Отец заглянул внутрь, застегнул и молча вышел из изб

Петька вышмыгнул следом за отцом и затаился за дверью в темных сенках. Отец раскрыл дверь сенок и далеко швырнул

злосчастный золотой кошелек, повернулся и пошел в избу. Петька вышел из укрытия и стал шарить ногой в темноте, быстро как-то нашел предмет и спрятал его по – своему, и не успели еще опомниться в избе, как он вошел и сел рядом с Дашкой.

Мать стонала и наговаривала:

– Паша знает, что делать – и не моё это дело!

Неужели это он кинул нам за то, чтобы когда-нибудь ночью налететь и нас ограбить или все-таки утащить дочку? Ой,

– горяшко, – она стояла, утирая глаза передником, а слезы все лились и лились.

– Брось, мать, не на нас одних налетели, – отчаянно сочинял отец, лишь бы успокоить жену.

Петька сидел и думал: «Мамка забудет, отец и вовсе, а куплю буланку, такого, как был под бородачем, и разыщу обидчиков обязательно. Рогатка у меня уже есть, притом сильнейшая, недаром все ребяташки завидуют, всегда просят обменять на что захочешь, но он ни за что не сменяет. Теперь только бы коня, а рогатка есть!». Петька перешел на лавку у стола в углу, протянул вдоль всей стены. Лавка была выскоблена добела. Мать загоняла его частенько на эту лавку ремнем, чтобы поел по-человечески. Сидел он сейчас на этой лавке и думал о своих отчаянных планах. Вся семья была в оцепенении. Дверь со скрипом отворилась, и в избу ввалилась бабка Агафья. Перекрестилась на иконы в угол у стола, над которыми свисала узорчатая лампадка красного стекла, а в ней деревянное масло.

Зажигалась лампадка по старинным праздникам, для моления.

В семье не любили любопытную бабку-Агапку, вездзнайку. Её так называли все – бабка Агапка, даже дразнили ребяташки, за что и всыпал отец Петьке не раз: «Не смей мне старых людей дразнить! Убью, холера!». Но Петьке нейдет, он опять за свое. Поэтому не успела бабка войти, как Петька заворчал и вышел.

Пришла старая узнать, набрали ли чего Рябинины, уж очень быстро возвратились из бора домой. В избушке полным-полно наложено было ягод, грибов всякого сорта: рыжиков, белянок, сухого груздя и маслят.

– Ох, ах, – застонала бабка – Агапка, – да где же, да как же вы смогли так много набрать-то? Охо-хо-хохо! Да повез бы ты меня туда, Павлуха! Отвези, касатик, самогоночкой рассчитаюсь.

Павел посмотрел на бабку с усмешкой, сказал:

– Куда тебя, такую-то, помоложе там надо, – засмеялся и вышел в сени, хлопнул дверью.

Арина тоже слабо улыбнулась. Но Агапка как пошла, как пошла своим громогласным – даже в ушах ломота:

– У-у, холера, варнак, анчихрист окаянный, язык как помело, мелет бык стоеросовый чушь какую – ни стыда, ни совести!

Околеет бы ты, холерска-ай, – поднялась и вышла, ворча. Вывалилась туда, откуда только что ввалилась, крестилась, ласковые слова говорила, словно пела, а чуть не по ней – показала Агапка свою статью, свой басовитый голос.

Отец вернулся.

– Зачем же ты, Паша, её обидел?

– Ни холеры не делается – опять явится!

Так и есть, не успели еще пастухи коров выгнать из деревни, как полезли любопытные к Рябининым, а следом и Агапка появилась.

День был субботний. Отец запряг коня, поставил бочку, привез воды с реки в баню и начал заметать двор и тут вспомнил о кошельке, который выбросил вчера, и стал оглядываться кругом, шаря глазами по земле.

– Где же он? Куда я его швырнул? Все равно он не вернется за ним, да побоится же в деревню налететь, окаянный. Куда же я, лешак, его выкинул? – Искал, искал, а кошелёк как в воду канул – не нашел.

Пришёл Петька с рыбалки-поймал десяток пескариков двух усатиков коту.

– Тять, посмотри-ка, сколь налимов я поймал, ох и клювало, – и протянул отцу свою рыбу.

– Хариусы настоящие, – похвалил его отец.

– Сынок, а где тот кошелек, что я вчера кинул?

Петька опешил, лицо залило румянцем. Он стоял, моргая глазами и разинув рот.

– Не знаешь ли ты, куда я его кинул – посмотреть бы только.

– Молчать нельзя, что-то надо сказать, – думал Петька, и тут

мелькнула мысль – не нашел ли его у него отец, а меня пытается. Но отец отвернулся, закурил, проговорив про себя: «Чудо, вот чудото! Зачем мне надо было горячиться? Но где же он, в самом деле?»

Поздно я схватился, наверное, кто-нибудь нынче нашел. Мало ли народу перебывало», – ворчал отец, бросил метлу, сел и задумался. Петька быстро сообразил и крикнул:

– Тять, а бабка не взяла его? Я видал, она зачем-то нагибалась,

– нагло соврал Петька и медленно поплелся прочь.

Рябиныны этой осенью больше в тайгу не ездили. Хватило им одного раза, чтобы надолго помнить. Однако же года через два

Рябиныны снова поехали и как назло опять встретил их знакомый молодой разбойник, но уже чистый, помытый, одетый покупечески, в хорошей поддевке синего сукна, но бороды не снял.

Рябиныны уже забыли немного о происшедшем, решили, что встреча была случайной, но забираться в лес далеко не стали, не взяли они и детей. И что же вы думаете? Склонившись, собирали они ягоды, вдруг сзади послышался шорох сухой травы и чье-то дыхание. Арина распрямилась: боже мой, прямо на неё едет он на темно-буром гривастом коне, улыбаясь.

– Здорово были, – поздоровался он и, подбоченясь, остановился.

– Крестник, кажется, наш, так что ли? – Отец стоял на одном колене, собирая бруснику.

При виде его сел на землю,

– Что, отец помочь вам, аль нет? Как вы думаете, а то мы мигом.

– Да нет, не стоит, мы помаленьку сами, да скоро уж и ехать надо.

А ехать они не собирались, только что приехали.

Ты отец не бойся, мы тебя не тронем – инвалида не обидим, но молчи, что видел ты нас: не видел и не слышал! Вот конишкато у тебя хреновенький – бери моего, ты мне как крестник, отец будешь. Жаль мне тебя, одноногого.

Но отец вежливо отнекался. Пришелец покурил, помолчал, попрощался, чему-то ухмыляясь, стегнув своего красавца-коня, скрылся из виду.

– Но, Паша, не сносить нам с тобой головы на плечах, следит он ровно за нами!

– Тебя украсть хочет, – пошутил отец, но шутка не получилась.

Арина обиделась и все время молчала до самого дома, как бы к ней ни обращался Павел.

– Надулась как мышь, чего я тебе сказал обидного, ну, пошутил

– ну, прости, ладно? – и замолчал тоже.

– Действительно, чего он к нам пристал, – задумался отец. –

Или так бродит по лесу, чаво-то ищет.

Прошло какое-то время, начались холодные ночи, даже днём замерзали лужицы по улицам. Со всеми работами многие управились, отец с матерью тоже. Вечерами люди собирались в какойнибудь избе и долго говорили о всякой всячине. Собрались как-то

и к ним на посиделки мужики.

Клубов-то не было. Сидели на корточках у стенок, в доме где хотелось в этот вечер провести. Кто-то начал разговор о том, что недавно трое встретили на крутой горке и обобрали догола проезжавших двух мужиков, возвращавшихся из города в село; покончив с продажей мяса, они немного выпили, выехали поздно.

Тут как раз и налетели те трое, насмерть перепугали мужиков,

Все у них отобрали, да еще и побили. Мужики были богатые.

Павел в течение всего разговора не сказал ни слова. Он понял, что эти трое и были – они, но почему они не тронули его, Павла, ни разу, даже золотые кинули, в чем дело?

– Тут что-то не то, как бы он нас разом не накрыл, – задумался

Павел.

Кум Егор сидел к печи русской спиной, посмотрел сбоку на

Павла и спросил:

– Павел, что-то ты не в себе – молчишь?

Павел даже вздрогнул, напугался:

– Нет, ничего, я задумался.

Его обдало холодом – а вдруг кто нашёл кошелек с золотом, да пытаются ума? Да куда же задевался проклятый? – Он снова уставился в пол глазом и так сидел некоторое время.

Петька прятал свой клад усиленно – сегодня здесь, завтра в другое место. Думал купить что-нибудь на них, но вытащит большую тяжелую медяшку из кошелька, покрутит, повертит, да и снова положит: нет, это старые, старинные какие-то, даже мамка не

ищет – они негодные, и снова положит. Интерес к таким деньгам

наконец пропал. Петька залез на чердак своей избышки без всякого интереса и тайностей положил на боровке этот кошелек, где

лежала каменная плитка, на неё и положил кошелек Петька.

На чердак лазил только он за вениками да мамка – это она в год

раз или два – посмотреть, да замазать глиной чердачную трубу.

Прошла вся зима, наступило лето, а деньги все лежали на чердаке. Весной потекли ручьи, на крышах таял снег. На их крыше

снега было много, он слежался, таял лениво, а крыша-то слабая,

старенькая. Отец послал Петьку: «Слазь-ко, Петенька, сгребни лопатой снег с крыши, не

то провалит крышу-то». Петька мигом

шмыгнул наверх, и не прошло и часа, как навалил он у крыльца

гору снега и убежал куда-то. Мать месила в избе глину – что-то

дымить стала печь, наверно, оттепель, а в трубе закуржавел снег,

дым не проходит. Дома был один отец. Мать залезла по лесенке

на чердак, отец подал в ведре глину и ушел к соседям. Подошла

мать к боровку, поставила ведро и ахнула: лежит кошелек на самом видном месте.

– Кто, кроме Петьки, его тут положит? – взяла в руки, – так и есть: кроме денег, тут уже лежат большие желтые пуговицы с гербом на медяшке. – Ну, варнак, я тебе всыплю! Сколько раз отец спрашивал, а он как ничего и не знает, молчал, но, сатанёнок!- взяла его в руки и забылась. Простояла, наверное, долго, слышит – отец кричит: «Чего там, засохла, аль пропала, а Арина?»

Арина очнулась, наспех сунула в карниз кошелек, придавила половинкой кирпича и проворно подошла к краю:

– Сейчас я слезу, немного осталось.

Отец ушел, а мать скорей разломала то место в боровке,

быстро очистила от золы, копоти и другого кирпичного хлама,

замазала снова и слезла вниз. Она металась по избе, проворно управляясь с привычными домашними делами, и все никак из головы не шло: отдать или не отдать, а вдруг возьмёт да и снова забросит, а

деньги-то, ой какие, – или уж не говорить ему?

Ночью спать не могла, крутилась с боку на бок – что делать с

этими деньгами – или уж выкинуть и не сказать мужу – тоже плохо, потом что будет?

Решила: будь что будет, и все же не сказала.

Ходила, как в рот воды набрала, как чем-то недовольная. Нужда давила, сосала, но взять из тех денег не могла: вдруг обидится Павел, скажет утаила, какая ты жена! Боялась обиды мужа больше всего на свете. А как поступит тот? Может, он кинул задобрить, чтобы потом украсть нашу девочку? Ой, что же будет? Или думал сдружиться, а потом въезжать в их деревню?

Недалеко от деревни, где жили Рябиныны, в глухом лесу над широким и глубоким озером раскинулось старинное село Медвежий

лог. Звалось оно так потому, что зимой в него часто заходили

медведи и вода в логу свежая, среди деревни озеро. Видимо, чемто встревоженный шатун приходил в село, но часто находил там

свой конец, потому что и мужики в том селе были – чуть не медведи: высокие, широкоплечие, бородатые, угрюмые. Бороды носили

все, начиная от двадцати лет. Не брились они, не стриглись низко

только потому, что каждый, кто имел большую бороду, считался

именитым, солидным, богатым. Были они неразговорчивы, любили горячую русскую сибирскую баню, особенно зимой. Возьмет,

бывало, мужик березовый лиственный веник, залезет на полок,

дышать нечем, а он хвощет себя этим веником, пока один голик

не останется, так голиком и звали эти остатки веников, которыми

потом хозяйки добела скоблили некрашенные полы. Напарившись

вдоволь, слезет мужик с полка, окатит себя из кадушки ковшом

ледяной воды – и снова на полок. Домой идет по морозному двору

в одном исподнем. А морозы тогда стояли трескучие, дыхание захватывало. Бороды рас-

стили один против другого, больше обрасти

старались.

Вот из этого села и были три разбойника. Два сына и отец, как

узналось позже, разбойничали летом.

Часто днем отсиживались дома, а перед вечером, один по одному, выходили и выезжали из дома. Иногда пропадали в т

тайге по целому лету. Дома они считались хорошими соседями, богатыми хозяевами. Имели много скота, коней выслеживали, когда кто собирался ехать на рынок из богатеньких – что возьмешь с

бедного :пустой холщевый мешок да щей горшок. При встречах со знакомыми пользовались масками. В разбои коней крали даже в своей деревне, сбывали подальше, угоняли тайгой. Далеко в тайге, куда не ходят люди, они имели землянку, пировали там после хорошей добычи, отлеживались.

Землянка завалена хвойными ветками, пихтой и кедром. В ней множество всякой всячины: сбури на скакунов, там хранили постели, еду, пресную воду и выпивку.

Когда же находились дома, то хмельного в рот не брали, боясь, выдать себя чем-нибудь.

– Мой Тарас в рот не берет, – хвалилась жена старика. А он, умненький, у окошечка сидит, улыбается, – а Василий и вовсе

ещё не женат, водку не пьет, хотя ему уже под тридцать, вернее – двадцать шестой.

Однажды в их деревне снова были похищены кони, искали везде, обошли окраину леса, в каждом дворе смотрели, хоть того, может, хозяин и не желает. Но коней не нашли.

Прошло две недели. Случилось одному человеку поехать в самый отдаленный хуторок к двоюродному брату, давно с ним не видались. И что же он увидел? Выходит этот Иван на улицу из двора брата утром, смотрит, стоит мужиков кучка. Иван тихонько подошел, немного не дойдя, остановился. Напротив

его, спиной к нему стоял Тарас. Иван сразу же узнал его. Мужики торгуются с Тарасом, говорят о цене. А Иван видит – конь-то не Тараса, а Митрохин.

У Тараса в руках на поводу один хороший конь, а другого уже совсем нет. Разве он, Тарас, знал, что мог забраться так

далеко его земляк Иван, из одного села, живший почти рядом, на одной улице в Медвежьем логу. Тарас говорит свою цену, а двое мужиков свою. Немного заспорили из-за четвертной, не сошлись в цене. Вот и торгуются.

– Но чё, земляк, четвертную не поделили? А не добавит ли вам – у меня найдется, – хлопнув Тараса по плечу сзади, сказал Иван, – и вышел вперед.

Тарас, круто обернувшись, вздрогнул: «Мать твою за ногу!», – успел высказать, дернул коня, стрелой прыгнул на него и понесся в сторону леса.

Мужики обозленно кинулись на Ивана, чуть не с кулаками «Чего лешак тебя принес? Чей ты, кого тебе туто-ка надеть?»

Сергей поспешил помочь брату, не то поколотят кержаки чумные:

– Тихо, шабаш! Братуху не трожь мого, а то со мной, робята, будем считаться, – быстро приближаясь, сказал Серега.

– Он мужика от нас отогнал, тот коня продавал, а яво лешак приволок. Он чего-то испугался и маханул, небось за станового брата твоего принял.

Иван усиленно стал объяснять, что мужик этот из его села, что он, видно, коней уволок, окаянный.

Я коня-то хорошо знаю – его Митроха искал, а этот подумал, что здесь никто его не увидит, а тут – на тебе, я приплелся.

Чего – я-то вылез? Хана теперь мне. Что я наделал? Разве я

знал, что так обойдется? Да, дела плохи, он теперь меня
накроет. Вот поеду домой, и крышка. Следить будет, тайгой ехать-то!
Только теперь Иван понял, что попал впросак.

Все ясно – коней украли они, их работа. Раз один тут, то и
другой тоже, а может, и все – их дело, – мелькнуло в голове Ивана. – Да!
Между тем Тарас круто остановился: все, теперь не догонят,
хотя никто и не гнался за ним.

Тарас соскочил с коня, схватил повод в руки и пошел в обратную сторону. Вот уже видны
кое-где просветы между

деревьями, вдалеке просматривалась деревушка.

– Если кто решится догонять – перещелкаю. Меня-то тут не
видать, а я вижу. Если их будет много – отъеду дальше, поглубже,

– решил Тарас и присел у дерева, крепко держа повод в руке.

Но погони не было.

Час от часу становилось легче, и он начал думать, что же теперь делать? Ведь он уличен,
конечно, Иван его предаст, немедленно надо что-то с ним делать, но что? Если поджидать его
туткто знает, когда он поедет. Не спалить ли мне его ночью? – Но он

не в своём дворе – ну и пусть!

Долго еще сидел у дерева Тарас и думал, а день уже уходил,

стало темнеть, наконец совсем стемнело, Тарас лег на траву, решил набрать силы –
заснуть, привязав коня к дереву. Вдруг внезапно решение пришло ему в голову, он вскочил,
сел на

коня и тихо поехал к деревушке.

Время было уже за полночь, кое-где горланили сонные петухи, изредка взлаивали сонные
собаки, но, не видя особых причин, успокаивались снова, затихали. Ночь была очень хорошая, с-
покойная, тёплая, тихая. Тарас отвязал от седла небольшую банку с завинчивающейся крышкой.

В ней было немного керосина, взятого на особый случай, привязал коня и почти ползком
стал двигаться к дому – за

огородами. Он безошибочно нашел двор, в котором жил Сергей с матерью и своей
семьей, к которому так неудачно приехал брат Иван. Тарас

осторожно подобрался к сараю, примыкавшему к бане. Крыша
сплошной стеной накрывала все городушки-стаюшки и плотно
примыкала к дому. Сибирская постройка, окруженная
высокими заборами – не заглянешь ни в какую щелку. Собаки
настороженно заворчали, чуя чужого.

Хозяин дома долго не мог уснуть, ворочался, вставал, ходил,
снова валился в постель и, наконец, вышел во двор, прислушался.

Во дворе беспокоились собаки.

– Что бы это они? Не зверь ли где подошел? – и тут услышал
шорох, напоминающий шелест сухой бумаги.

Это Тараска, не ожидая свидетеля, дергал сухую солому
из – под крыши, отбрасывая её к стенке сараяшки.

– Поджечь хочет, – пронеслось в голове Сергея, по спине поползли мурашки, волосы
поднялись дыбом на голове. Он

быстро неслышно босыми ногами, немного пригнувшись,

пробежал в дом, где в сенцах на полу спал его брат Иван, рывком сдернул

с него одеяло, прохрипел не своим голосом: «Горим!» Не спрашивая, что, где, вылетел
за братом Иван и также не понимая, что к

чему, оказался в огороде, где его брат Сергей уже схватил

кого – то за шиворот. Не успел Иван понять, в чем дело, как Сергей уже сидел у Тараска на горбу, одной рукой давя за шею, другой молотил по затылку.

Иван выбежал во двор с криком: «Воры, грабят!».

Пока Иван кричал, Тарас вывернулся и теперь уже он придушил Серёгу к земле, тот не мог вывернуться и уже начал

хрипеть. Подбежавший Иван увидел, что Сергей уже почти не дышит, еле шевелится внизу под иходеем.

Не помня себя, схватил Иван жердину, хрястнула она по спине, аж взвился весь Тараска и отпустил Сергея.

Иван схватил его за одежду и отшвырнул от брата.

– Ищи, Иван, где-то серники он тут кинул, но не зажигай огня,

22остерегись малость. – Поднялся помятый Сергей, еле отдышавшись, и вышел в след за Иваном, который волок во двор Тараса.

Одичало орало оба, грозя друг другу. На крик прибежали из дома мать, жена, дети. Сбегались люди.

Тарас стоял посреди двора, опустив голову.

Волосы густой шапкой свисали на лицо. Оно, обросшее бородицей, казалось звериным. На нем была старая заскорузлая, выдавшая виды черная одежда, торчав дыбом. Сын Сергея притащил баночку, которой раньше никогда не видел. Было в ней немного керосина, остаток от только что вылитого на стенку:

– Тять, вона что я нашарил! Поджегчи хотел энтот!

Сергей, подбежав, увидел облитую стенку сарая и заготовленную солому рядом. Вылетев из огорода, Сергей молнией подскочил к Тарасу и двинул его кулаком между бровей. Тарас пошатнулся. И тут закричали все разом и стеной двинулись на Тараску,

начали молотить, кто чем и как мог. Тарас упал, заливаясь кровью, дико заорал.

Но разъяренные люди колотили его. Били крепко, со злобой:

«Сжечь захотел!». Наконец Тарас затих, обмяк.

– Стойте, убили, убили, – снова закричали те же люди, но как будто уже с сожалением. Один по одному стали исчезать во тьме все еще оравшие люди, осталось совсем немного. Сергей растолкал народ во все стороны с криком: «Убьете -

отвечать будем, стойте! Народ отошел, все еще не расходясь совсем, с ужасом смотря на свою работу. Тарас лежал окровавленный, скорчившись, с открытыми глазами.

– Все! Теперь будет нам, ой, будет! – жена Сергея закричала, напугалась, – ой, горюшко, да откуда его принесло? Что же теперь будем делать, ой-ой-ой! – приговаривая, как над покойником, наводила ужас в темноте.

– Тихо, – крикнул Сергей, – не о ком тужить!

Вы не бойтесь, этого давно прихлопать надо было, – кивком головы на лежавшего. – Вот он докажет, – и показал на Ивана, который стоял с опущенной головой;

– Скажи, братуха, скажи, кто этот человек, зачем он тут, для чо приволокся? Аль его мы сами затащили сюда, – и тут вспомнили, что раз пришел он с огорода, значит, нет ли там еще кого, или хоть коня его. Так и есть. Не заметили, как немного рассвело. стало видно, что за огородом стояла хорошая, та самая лошадь, вернее конь привязанный к огородному столбу.

– Люди, – сказал Иван, немного успокоенный тем, что конь стоит, – значит, никого больше нет. Он был один.

Сергей завел коня во двор, поставил в стойку.

– Люди, – снова обратился Иван, и рассказал все с самого начала, кто этот человек, и все оглянулись снова на лежавшего Тараса.

– Стойте, да ведь он живой! Живой, – обрадовалась жена

Сергея, – ой, батюшки, живой!

Тарас чуть заметно зашевелился, все затихли. Тихо-тихо стало крутом. Долго стояла над ним небольшая группа людей, в основном родные и близкие Сергея.

Тарас пришел в себя. Его осторожно перенесли в сенки на постель Ивана. Тарас поднял голову:

– Мать, где я?, – слабо произнес и снова уронил голову.

Жена Сергея завывала громче прежнего:

– Ой, батюшки, прощается, прощается? – и ушла в дом.

– Тю, дура, – крикнул хозяин и крепче прихлопнул за ней двери.

Часов в двенадцать дня Тараса увезли в город, и года два о нем

в деревне не было слышно. Коня вернули хозяину – Митрохе.

Кражи прекратились, разбой тоже. Молодой разбойник исчез из

деревни и долго не появлялся. Люди думали: «Исчез парень бедный, позору не перенес!

Бедный Тарас!».

Ожили понемногу люди, успокоились. Однажды был тихий летний день, вернее, еще утро. Звонили на церквушке колокола, созывая народ к заутрене – утренней молитве. Был старинный весенний

праздник, как называли его в деревне: Троица. Отовсюду подъезжали люди, шли парами, семьями, компанией и по одному. Безногий

Рябинин не ходил в церковь, он вообще не стал подчиняться ей.

Мать рано убралась и торопилась к заутрене, взяла с собой

принаряженную дочку – Дашутку. По дороге торопила: – Скорей,

не то не пролезем!

Протолкавшись вперед, она поставила перед собой своё сокровище и, сияющая, довольная, стала усердно молиться, кланяясь в пояс.

– Молись, Дашенька, молись, ласточка!

Дашенька-ласточка, оглядываясь по сторонам, крестилась, подолгу засматриваясь на иконы, сверкающие золотым отблеском окладов, то на багюшку в праздничных одеждах. Всюду и везде горели свечи. Было душно, пахло ладаном. Все стояли, тесно прижавшись друг к другу, изредка только кланяясь. Шел молебен, все

молились. Молилась и Дашутка. Шел ей десятый год. Она заметно

подросла, стала хорошенькой девчушкой – глаз не оторвать. Были

на ней новые черные ботиночки, длинная юбка из красивого голубого шелка и такая же кофточка с отливом, большой шелковый

бело-розовый платок букетами, с длинными кистями чуть приспущен с головы. Головка гладко причесана, с длинной черной косой.

Глаза темно-карие.

– Красивая дочь будет у Арины, – шептались люди, с завистью

посматривая на красивую девочку.

Мать, не смотря по сторонам, слышала все, хотя и усердно молилась. Сердце её почему-то тревожно билось. Наверное, ладаном

сильно пахнет, угорела, – подумала она, не придавая этому большого внимания, продолжала шептать про себя, повторяя слова за

священником и дьячком, молитву. Дашутка перестала креститься, часто посматривая в сторону.

– Чего она там высмотрела? – подувала мать, взглянула, в ту же сторону и обмерла. На них смотрел молодой разбойник! Арина чуть не потеряла сознание.

– Он ли, – промелькнуло в голове. – Снова взглянула туда. – Он, он, снова пронеслось в мозгу.

– Да, но как одет – он ли? – снова взглянула мать.

Василий смотрел вперед на входившего во врата священника с кадилом на длинной цепочке, которое он привычно умело

раскачивал.

Арина, успевшая окинуть взглядом всю фигуру страшного для неё человека, уже уяснила, что это именно он. Но как он одет!

Красивые глаза улыбались, на нем были черный длиннополый пиджак с блестящими отворотами, узкие серые брюки и блестящие туфли, изумительно белый воротничок рубашки с загнутыми

кончиками, небольшой бант-бабочка на груди, черные кудрявые

волосы, небольшая борода. Сейчас он выглядел каким-то баринном, франтом.

Девочка залюбовалась его нарядом, потому что вокруг стояли

люди, одетые просто, по-крестьянски, он же сиял среди всех своей красотой и одеждой.

Он, в свою очередь, знал Арину и надеялся, что она не узнает его в этом костюме и без большой бороды. Девочка его привлекла, она его явно заинтересовала. Девочка заметила его внимание к

ней и уставилась на него надолго.

– Бежать, немедленно бежать, – Арина выждала момент, когда Василий смотрел в другую сторону, и потянула за собой Дашутку,

– скорей, скорей, дочка, скорей, – торопила девочку мать.

– Чаво тебя понесло среди молитвы, – ворчали старухи, но

Арина упорно проталкивалась к выходу, тащила за руку Дашку.

Только дома у себя она отдышалась. Теперь, подумала она, жди горя. Но горя не оказалось.

Тарас вернулся – слух прошел по Медвежьему логу моментально после того, как приехал в деревню похудевший Тарас.

Первое время Тарас не показывался на люди, чего-то боялся,

выжидал. Стеснялся что ли – думали люди, – то ли одумался в своей дурацкой работе?

Да и он ли крал лошадей – кто знает, может и украл-то всего одну,

да попался, а другой за его спиной скрылся, – думали-гадали люди.

Через год или чуть больше после возвращения Тараса шел Иван

со своего покоса, держа на плече не свернутую литовку и думал

о Тарасе. И вдруг повстречал его самого, идущего ему навстречу.

Оба остановились, взглянули друг на друга и так же молча разошлись. С тех пор Иван стал опасаться всех тарасовых, плохо стал

спать ночами – не простит Тараска мне этого. Теперь гляди в оба –

не простит! Дурень я, дурень, зачем высунулся тогда? Кто теперь

за меня заступится, – каялся Иван, какая-то смутная тревога не

оставляла его ни на миг. Вскоре, когда шел Иван как-то мимо тарасова двора, налетела сзади специально спущенная и натравленная

хозяином на усталого Ивана собака – чем-то мстить надо.

Собака больно рванула за икры Ивана. Он круто обернулся, испугавшись, потерял равновесие и упал на бок. Черный большущий пес, как годовалый бык, навалился сверху. Иван закричал,

кобель вцепился в плечо и рвал одежду вместе с телом.

– Помо-ги-и-те! – вырвалось из груди страшно стиснутое слово, – но никого не было на улице в этот час. На одно мгновенье

мелькнуло лицо Тараса, вышедшего из своего двора. Он улыбался, радуясь, как его собственный черный кобель-страшила рвет за

него этого дурня Ивана.

Собака больно рвала тело, норовя уцепить за горло. Иван понял, что дело его плохо, и изо всех сил, схватив за лапу верткого пса, нажал в сторону, так, что тот взвизгнул от боли.

В это время что-то нестерпимо больно резануло в плечо: чуть не потеряв сознание, Иван держал за лапу собаку, которая рвала его, рыча и подбираясь к горлу.

Иван от страха и боли еле смог вцепиться в

шерсть у горла пса, напружиня все тело, сдавил руками ему горло мертвой хваткой. Был он мужик еще молодой, силы собрав,

боролся за свою жизнь. Пес бил передними лапами, задними

драл одежду и кожу с необыкновенной силой. Брюки и рубаха

Ивана превратились в клочья. Он еще какое-то время продержал

пса, боясь отпустить. Наконец, кобель обвис, обмяк. Иван отшвырнул его с отвращением

от себя, встал, шатаясь, побрел, не

видя, куда, обливаясь кровью, волоча кровавые тряпки. Кровь

текла по онемевшему телу, глаза помутились, тошнило, но он

шел, шел домой. Тараска прошел стороной, дико рыча, угрожая

и проклиная Ивана. Но Иван ничего не видел и не слышал, силы

совсем оставляли его.

Через две недели потерялась у Ивана девочка шести лет,

Танюшка. Бегала вместе с соседскими девчужками, бегали везде

не в первый раз, и вдруг куда-то враз исчезла девочка. Искали её,

искали, но найти так и не могли. Стало совсем темнеть, вот уже

и ночь подошла, а её все нет и нет. Предчувствуя неладное, Иван

сел на коня и долго бродил по деревне, за огородами, у пруда, но

девочки нигде не было. Больно щемило сердце – одна она у них

была с женой, больше никогда детей не было.

Всю ночь не сомкнули глаз родители, мать плакала, причитая,

отец угрюмо молчал. Раны его еще не заросли и сильно вертеться

нет сил, а искать надо.

Всю ночь искали они свою девочку, прислушивались, не закричит ли где, не выйдет ли откуда. Но вот уже и утро, а её нет и нет.

Поутру собралось много народа, обыскали сетями пруд, опять искали вдоль и поперек, но Тани не было, как и не бывало.

Дни и ночи плакала исстрадавшаяся мать по дочери, но исчезла

девочка бесследно. Врагов у них никого, кроме Тараса, не было.

Собрали несколько человек, обыскали все уголки у Тараса, но ничего не нашли. Тарас страшно кричал, грозился подать жалобу на Ивана: – Че ты позоришь меня, Чаво я тебе сде-

лал? Ты сам кобеля задушил, душегуб окоянный – зверюгу одолел, – прикинулся Тарас такой бедной овечкой, жаль смотреть стало.

Искали девочку каждый день, день и ночь, но все бесполезно. Мать каждый день ходила к пруду, бродила по берегу, ожидая, не всплывет ли Танюшка, сидела, плакала, звала, кричала. Отец ездил на коне далеко в тайгу, стрелял, надеясь, может – на выстрел выйдет, кричал, часами сидел у дерева, пряча слезы.

Мать поседела от горя, ссутулилась. Иван все курил и думал невеселую думу, думал и ждал: вот откуда-то что-то скажут. Долго мучились и ждали они, но так и не нашлась девочка.

Прошло два года. Шла как-то мать, жена Ивана, у самого амбара Тараса, и что-то вдруг показалось ей, что где-то далеко глухо стонет или завывает. Она остановилась и прислушалась:

– Стонет, стонет, ой, матушки, мне, видно, кажется, ведь нет моей Танюши. Знать, помянуть надо, земле предать, чего уж больше ждать, сердешную!

Стоны как будто прекратились. Стоит и думает мать о девочке. И вдруг страшно стало: «Что же, господи, стою-то я, что стою

здесь? – но ноги не несут домой, идти нет сил. – Вот теперь не стонет, кажется это мне, наверное, я с ума сходу.

Хотела двинуться, но что-то словно её держит. Оглянулась кругом – никого, закружилась голова, навалилась на стенку спиной,

задумалась, все прошло опять перед глазами. Кто-то сбоку к ней подошел, погладил руку, – она сразу и не взглянула, но через мгновение оглянулась – кругом никого, посмотрела кругом – никого.

По спине поползли мурашки, внутри все похолодело. Хотела идти – ноги стали деревянными – не идут, хочется выть от боли.

– Таня, милая дочь моя, горе ты моё, – слезы полились по измученному лицу, она сделала два-три шага, как кольнуло в самое

сердце: повторились стоны, сильные, зовущие, задевавшие за самое сердце!

Она ринулась к земле, стала на колени, припала ухом к земле

– стонет, даже плачет! Стоны идут из земли! Рывком вскочила, кинулась к воротам – нет, туда не войдешь, кругом бегают собаки, –

и она снова вернулась на то же место к сараю, – Это она, доченька,

я знаю! – она затряслась в ознобе и кинулась домой, к мужу, к людям. День был ясный, шел покос, люди косили сено, – но многие уже приехали с поля. Тараса со всей семьёй дома не было целый день.

Мать бежала, кричала изо всей силы. На её крик из домов выскакивали люди, как-то сразу набежало много народа. Рыли тут

взрослые и дети – в большой праздник столько не набиралось.

Иван выбежал навстречу жене, раскинув в стороны руки, испугался, что она, бедная, наконец, с ума сошла, не выдержала муки.

Она пролетела мимо, вернулась, волосы растрепались, глаза как у безумной смотрели дико, не понимая, что с ней, за ней люди, много людей, недоумевающих, но понявших, что случилось что-то страшное.

– Иван, Иван, скорей, там она, – кричит, – она там, там – скорей!

Иван с силой прижал её к себе – она вся дрожит.

– Скорей, скорей, что же ты стоишь? Да пойми же ты, пойми – у Тараса в земле она, кричит, зовет! Ваня, да что же ты стоишь?

Иван, не добившись ничего связного, все же схватил вилы, которыми выбрасывал навоз из стайки, и бегом за женой, за ними

все люди. Все кричали, вооружались кто – чем: дубинками, палками, кто-то притащил топор.

Ввалились все во двор, орали, но хозяев дома никого не было, одни собаки, и те позабывались в свои конуры, повизгивая от страха. Все было на замках – висели, чуть не пудовые, и на амбаре,

откуда слышались матери стоны, на дверях дома, у подвалов.

В том амбаре, откуда слышались стоны, был хлеб и ценные вещи – сломать замок без хозяина было нельзя. Кто-то закричал: «Стойте, стойте! – шум мало-помалу притих. – Давайте послушаем!

Наступила тишина. Но ни звука, ни стоны, ни плача из-под земли, где слышала мать. Все молчали.

Вдруг ворота открылись, вошел мальчик лет тринадцати, посмотрел на всех с удивлением, быстро распахнул створки ворот и

встал в сторонку. У ворот стояла пара добрых лошадей – они рывком влетели во двор, не ожидая окрика хозяина. За ней – другая

пара лошадей с одними дрожками. На обеих дрожках сидели

жены хозяина и его второго сына, Василий, два мальчика-подростки и сам хозяин Тарас, старый разбойник да девочка-нянька. Жена

старшего сына держала на руках грудного ребенка.

Мужики разом соскочили с дрожек, женщины сидели, испуганно уставившись на такое скопление народа. Тарас понял, что людям что то стало известно, с повелевающим лицом подошёл к амбара, взглянул на видевшие замки и сразу поднял выше голову.

– Ну, чего набежали? Ломайте, коли хотели, ломайте, а я посмотрю!

– Ты открой немедля, а то расшибу! Коль пришли – тута, знать, не твоя забота, зачем и чаво, – заорали громко мужики.

– А ну, кто смелый – расшибай! Вона, вали, чаво тебе надуть

– забирай, чаво стоишь, – подзуживал Тарас с улыбкой, – чаво потеряли в чужом амбаре?

Хлебца надуть – забирай, у меня много,

сожрешь – сдохнешь, облопасся!

Долго бы пререкались с наглым Тарасом люди, но на выручку

пришла его жена. Она подошла, отвязала от шнурка на поясе юбки ключи и отперла оба замка.

– Идите; смотрите, чего хотели, смотрите, – сама подошла к

мужу, взяла за руку, силой завела на крыльцо дома, быстро отперла дверь, и не заметили люди, как в дом вошли все они до единого, она снова накинула замчище, а ключ – к поясу сунула внутрь,

ближе к телу. Народ кинулся в амбар, перерыли все до дна, но ни

одной живой души и ни единого нигде звука. Кто-то постучал по

полу ногами: звуки отдавались совершенно глухие – значит, там

сразу земля, пустота отдается звонко.

Нигде ничего. Посмотрели на жену Ивана и стали один по одному выходить из амбара.

Пока в амбаре копошились люди, Марья, толстая, широкоплечая, высокая баба – жена Тараса – под стать самому Тарасу, – завела во двор лошадей, распрягла, привязала у стойки.

Тарас насмерть переполошился, выглядывал из окна из дальнего угла избы, а оба брата забежали в кладовку, схватили ружья,

припасы, один залез на чердак, другой в кладовке сел на корточки,

ожидая нападения.

Все вышли. Остались только Иван с женой.

– Пойдем, Лена, пойдем, родная!

Мать оттолкнула Ивана, сама не тронулась с места. Уйти она не могла: как же так, ведь она ясно слышала! Неужели ей померещилось? Она оглянулась кругом – ничего. Народ понемногу уходил

со двора. В амбаре такая тишина – муха пролетит, услышишь. И вдруг снова, как еле слышный писк, опять стон!

– Ваня-я, слышишь? – еле слышно прошептала она, – слышишь?

Иван услышал, сам услышал, явно: стонет, поёт кто-то, да так близко, так жутко. Теперь он упал на колени – стоны не стало.

Он долго лежал на полу, плотно прижавшись ухом к пыльному полу, и опять кто-то так сильно заныл, и, чувствуя свое, родное, оно отдалось прямо в сердце, Иван взвыл сам.

– Люди, милые, сюда, – выскакивая, закричал Иван, – и снова бросился в амбар. Все гурьбой ринулись обратно, дав друг друга. И снова нет ничего.

– Здесь она, здесь, – стуча каблуками по полу, кричал Иван.

Кто-то кричит: «Ташите лом, ломать будем! Лом тут как тут.

Топор уже был в руках у одного.

– Руби, ребята, – скомандовал Иван. – Кромсай! Чаво тут, здесь она!

На крик вошла хозяйка:

– Не трожь, харя этакая, пшеницу выпустишь под пол! – Она широка расставила руки, согнулась до пояса и, отталкивая мужиков, толкая головой кого попало, нещадно раскидывала, исходя диким криком.

– Валяй отсюда, жаба толстопузая, – рявкнул Иван, – размозжу, размозжу тебе башку, тварь эдакая!

Один из мужиков стучал ломиком по стенкам, и вдруг стена от сарая загремела с каким-то отзвуком пустым, гулким, отдаленным.

– Стойте, – еще раз застучал он снова, – там что-то есть – сюда-а, – скомандовал он.

Все ринулись к стене, стали чиркать огня ничего нет.

– Не дам! – закричала Марья и начала отталкивать мужиков от стены.

Но мужики скрутили ей назад руки и держат: «Стой; сволочь!».

– Тут тайник – толкали стену, она не подается никуда. Кто-то увидел внизу железку с крючком, наклонился, зацепил пальцем, потянул на себя. Бревна в ширину двери со скрипом отошли на тяжелых скобах, и вниз пошла широкая лестница.

– Братцы, да тут тайник – лаз, сюда за мной! Кто-то увидел железный фонарь на стене, схватил, подтащил спичку, и огонь загорел, стекло поставили на место и удивились, что и фонарь для этого тут висит. Значит, и правда там что-то есть.

Кто-то из людей заметил, что сзади подкрадывается Игнат, первый сын Тараса, с большим ножом. Еще немного и он проткнул бы Ивана, который только на минуту повернулся к жене – с ней сделалось совсем плохо.

Один мужик ударил палкой по руке с такой силой Игнату, что тот выронил нож и взвыл от боли. Другой скрутил ему руки, двое

держали, едва могли удержать. Одна старуха притащила веревку, и они впятером его скрутили и держали.

Подростки следили за окнами.

– Закрой, Митька, окно, – крикнул один Митька, мальчишка, нырнул и прихлопнул ставнем окно, из которого вылез Игнат и выглядывал Тараска.

– Тащи его сюда, братцы, собаку, он один делал ход – в пещеру.

Он зарывал – ему и знать, как открыть!

– Окстись, чумовой, кака пещера? – зарычала Марья, все еще вырываясь, – безбожник окаянный, креста на тебе нету! Чего творят глядите!

Мужики с фонарем, с Иваном вместе, спустились в подземелье, откуда несло сыростью, какой-то вонью.

Темень кругам, холодный воздух. Несколько человек во весь рост, там была большая яма, широкая и глубокая, В углу была накинута солома, видать, не свежая, на ней какое-то черное тряпье,

и в углу к стене сидела девочка. Осветили – фонарем, она закрыла

лицо руками и страшно заскулила. Руки были очень грязные, вместо платья черные рваные лохмотья. Волосы клочками свисали до самого пояса и по лицу.

Люди при виде такого чуда опешили. Сначала подумали, что это зверек, но нет – руки человечьи! Ног нет – она держала их под собою.

Люди смотрят, но подойти не решаются, а отец и сказал:

– Таня, Танюшечка, иди, иди сюда, – но он не верил, что говорил, он просто так сказал, и вдруг она опустила руки, посмотрела:

– Мама, – тихонько вымолвила.

Иван кинулся: «Таня, Танечка,» – но девочка страшно испугалась и забилась снова. Иван уцепил ребенка и кинулся наверх, все за ними.

– Ой! – многоголосье пронеслось при свете, когда Иван вынес ее на руках во двор. Все закричали. Мать упала без сознания, женщины плакали, причитая, мужики косо смотрели на Игната и его мать. Вот-вот налетят и растерзают их.

Девочка кричала. Билась, боялась, как воробушек, всех. Иван передал ее большой женщине, и другие окружили ее, прижали, начали ласкать, уговаривать, гладить. Она немного притихла. Мать

отлили водой, подняли, отвели, начали уговаривать, чтоб взяла себя в руки – все образумится, вымоешь – отойдет, – и подвели к Тане.

– Танюшенька, доченька моя!

– Но она косо на нее посмотрела и протянула ручонки, которые были угольно черного цвета, с худыми впдинами глаза и комьями волосами немые, слипшиеся.

Мать прижала к себе девочку и горько зарыдала, ей подтянули много голосов.

Между тем Иван подошел к Игнату и начал бить, и остальные тоже. Только захрюкал здоровый Игнашка. Высокая женщина закричала:

– Не смейте! Он невиновен! Тараса ищите, но виновен и он, значит, должен отвечать!

Дом на замке. Они бросили избитого связанного Игната и кинулись к дому.

– Где та жаба? – заорал Иван, кидаясь в амбар, а Марья забилась в яму и заложилась с внутренней стороны.

Василий вылез через окно, вывел задами жеребца и скрылся

в тайге, только видели ребяташки его. Ребяташки не успели дядькам сказать, а его хвост простыл. Заложили амбар: сдыхай, собака, теперь ты, – и засунули большую палку в скважину, где вставлялся замок.

И все исчезли из постылого двора.

Тарас прятался с семьей в доме, замкнутом Марьей, порядком опозоренный.

Понесли домой худую, черную девочку. Мать шла еле живая, переставляя отяжелевшие ноги, и выла, как раненая волчица, а бабы ей дружно подвывали. Все сбежались смотреть на Иваново горе.

Подумать надо – нашлась, шептались старухи.

Десяти лет умерла у Рябининых Даша. Сильно простыла и не поднялась. Тяжело перенесли утрату дочери отец и мать с

Петькой. Чуть позже, родился в их семье Андрей, но боль по дочери не давала покоя.

В конце этого двадцатого года появление мальчика не очень обрадовало. Через четыре года родилась девочка. Долго раздумывать не стали, снова назвали Дашей. Пусть сказала мать, может заменит нам вторая Даша любимую доченьку.

Сразу ее недолюбливала, все жалела старшенькую. Ходила

вяло, кормила нехотя. Да больше плакала о девочке. Но вторая девочка незаметно росла, поднималась, крепла.

Хлеб убирали вдвоем с Петькой. Приехав на поле, мать ложила маленькую Дашку в редванку и связывала четыре ветки над

редваном, концы же их к редвану тряпицами. Сверху накрывала

большой тряпицей. Воздух под тряпицей был прохладнее, продуваемый со всех сторон.

Дашка спала, изредка просыпаясь, требуя

есть громким криком. Угодило ее родиться в самую страду в жаркие рабочие дни лета, – ворчала мать.

Андрейка находился с отцом. Ему уже шел пятый годок.

Петьке было уже пятнадцать лет. Он с 6 лет помогал матери в работе. Зимой поедут в лес по дрова, пилят пилою вдвоем, тянет изо всех сил, старается. Едут обратно из лесу – мать идет следом, а Петька на возу сидит. Нокает коня, покрикивает.

Пахать возьмутся весной – за повод коня тянет, а мать – соху

держит в борозде, а он возжей потряхивает. Он идет сначала бодро, ровно, а потом из стороны в сторону кидать его начинает.

Тогда только передышку сделают.

Теперь уж совсем надежный человек, мужчина! Опора матери

и радость. А тут эта Дашка на горе родилась. Лучше бы совсем ее

не было. Но ребенок есть ребенок, в каких бы условиях он не появился, а он своей младенческой красотой затмевает все! Горько

жилось Арине, но возьмет девочку на руки при коротком отдыхе и

как погружается куда-то далеко, в неведомые края, видит она перед собою ту Дашу и вдруг эта будто большая, красивая, стройная.

Бежит где-то по лугам с длинной черной косою, в празднично-белом, воздушном платье.

Хочет, разливаясь звонким голосом.

Не бегай далеко доченька, предупреждает ее Арина, нежно глядя дочери вслед. За нею бежит русоголовый стройный парень в

розовой косоворотке-рубашке с вышитыми воротом и рукавами.

Волосы по ветру развеваются кудрявыми колокольчиками. Где-то шуршит вода так знакомо и нежно. Но почему-то напоминает
звук серпа, жик-жик-жик. Почему вода так падает, вспоминает
Арина. И не может припомнить. Девочка, уснув у груди, мерно
посапывает. Арина, уставшая от работы, разомкнув руки, роняет на колени. Покатившись, Дашка закричит резким голосом и мать просыпается, испугавшись. Ох, дитетко, неужели я заснула?

Снова трясет Дашку, а та зехляет очумело, требует снова
грудь, снова старается вцепиться ненасытно.

Ой, как я засиделась с тобой, чадо! Смотрит на уставшего своего работника, кричит ему, а слезы катятся по похудалым щекам, ручьями.

– Петенька, сыночек, устал, родимый, отдохни, золотко.

– Сиди мам, чтоб она не орала; я сам. Что мне, не тяжело, посиди малость.

Даша снова засыпает. Арина ее медленно кладет и накрывает пологом. Снова шуршит вода, теперь уж в руках отдохнувшей

Арины жик-жик-жик.

По дорогам стало страшно ездить. За Медвежьим логом, далеко от деревни, начинается длинный, тягучий подъем. Который так трудно одолеть на захудалой лошади.

Почти всю дорогу идет лошадь

с натугой, тяжело, останавливаясь через десять, пятнадцать шагов.

Ездок всю дорогу идет рядом. Понукая, подергивая вожжами, этим помогает уставшей лошади. Несколько идет ровная дорога, потом спуск, крутой поворот налево и снова подъем. Этот поворот называется Крутой лог, в котором этот лог тянется от дороги в обе стороны с густыми зарослями кустарника. Черемухи, березы и талины.

В этом логу было пристанище обозленных бандитов, которые теперь не имеют возможности вернуться в свои деревни. Потому что

были связаны с белыми бандитами Колчака. Обозленные враги превратились в разбойников. Они металась в горах, в тайге, на дорогах далеко от деревень, своих родных и знакомых. По логу, густой

шапкой росли пушистые березы, до полу спускаясь своей зеленью.

А с земли поднималась густая стена высокой травы не кошеной, не знавшей покосов. Лишь конские копыта прижимали их буйные головы, но снова вставая, искривляясь в росте.

Кони их сытые мирно паслись поодаль, стреноженно, отпущенные в логу. Несколько человек спали, сидели, просто лежали,

наблюдая за дорогой. День был сухой, теплый, ветреный. Березы тихо шелестели, листвою заглушая приближающийся топот и звук колес. Крестьянин на паре коней спустился в лог тихо, медленно с опаской, из города. И уже поднялся на подъем, как его заметил

бандит. Выругался про себя, кинулся к спутанному коню, конь шархнул и далеко отпрыгал. Пока ловил коня, а крестьянин уже мчатся по равнине, нахлестывая своих коней вожжами. С ним был его сынишка лет восьми. Посадил его между ног, прижав к себе и ну бить коней, которые мчались изо всей силы.

Пока поймал коня, да другой ловил своего, а крестьянин уже спускался с крутого последнего подъема.

Не уйдут, думали разбойники, от нас не уйдут. Тут что-то есть, раз они так летят. И хлестнув своих скакунов мчались за ними.

Да, несдобровать бы нам, говорит крестьянин, если бы догнали.

Нахлестывая коней они ворвались в деревню Медвежий лог, повернули влево и влетели во двор какого-то дома.

Собаки залаяли истошным лаем. Вышел хозяин, выскочил из ворот, осмотрел улицу и запер на засовы обе входные двери.

Прикрикнул на собак, все стихло. Кони тряслись, вот-вот рухнут.

– Води, води, – говорит хозяин, – упадет, сдохнет, води помаленьку, води.

Разбойники, не догнав добычу, въехали в улицу, осмотрели во все стороны и вернулись обратно. Ни с чем вернулись злые бандиты. И загрызлись между собой в логу у горы.

«Это ты спал, тебе надо было караулить дорогу, чего жрать будешь, а тут видно хорошая добыча ушла. Верная смерть теперь,

братцы! Что же это никто не едет с базара? У, варнаки, у, волки!»

– Что делать будем дальше? – сказал один. Брови сдвинулись к носу, все замолчали.

«Что я наделал? – думал один, – зачем пошел с ними?

Теперь мне отсюда нет ходу. Ну, предположим, я уйду ночью от них, а кто меня дома-то примет? Кто меня ждет дома? Жена. Нет.

Она теперь меня не примет! Вот, сказали, что партизан только погоняем, а что получилось, власть-то не изменилась, а еще

больше укоренилась, да меня теперь пацаны убьют, не только мужики. Эх, дурак я, дурак, чего наделал. А, видать, надежная

у них власть-то, а мы теперь куда? Подохнем здесь, как мухи

в крынке, в траве-то этой, траву жрать не будешь. «Теперь заждались меня дома родные, – думал другой, лежа на животе, уткнув голову на руки, во рту он держал потухшую папиросу из остатка

махорки самодельной. – как мне оказаться дома, хоть бы самую

плохую мне работу. Не стал бы я больше грабить, но меня видели наши, когда мы напали на обоз. Что бы я отдал, чтоб только

был бы не я!».– Небось,заждались,– вдруг услышал он голос человека,который приближаясь спрыгнул с редвана,награждённого всякими продуктам.

– Как с неба свалился вдруг, – сказал главарь банды. – Уж и ждать не стали. В город еду, немного и вам дам.

– Сами промышляйте, но я вот немного вам на всякий случай

привез, дам, а то все на базар. – Тарас сгрузил кое-что, поставил коня отдохнуть в самую дальнюю чашу. Игнат подошел к отцу и грустными глазами посмотрел на него.

– Не выдержу я больше, батяня, домой хочу, домой. Заели меня, гады, гляди, все счесал тело, одолели и волосы забили.

– Но, уж потерпи малость, а то ночью кавды и прибеги ненадолго. Сказывают, скоро все будет по-другому.

Долго беседовали бандиты, сытно наевшись, развалясь, лежали

поодаль дороги и думали, что скоро придут наши и станет все постарому, но тогда уж все, заживем, а то что-то даже ездить перестали на базары люди. Но повернулась жизнь, да не в их сторону. Зря

ждали бандиты прихода белых. В тридцатых годах, т.е. в тридцатый год, вдруг начали организовываться везде и всюду колхозы, и с 1928 года кое-где. Бандиты в страшной панике кинулись кто куда! Одни забились по домам, другие – в самую глушь тайги. Поняв, что все пропало, пришел последний конец, передрались все и разбежались.

Тарас, распрощавшись с сынами, забился дома. Съездив на базар для отвода глаз, выслушивал, высматривал в деревне обстановку.

В первую очередь стали в колхоз вступать бедняки да середняки. Рябинины пошли в колхоз почти первые. Имущество сдали в

колхоз. Отец запряг коня, погрузили плуг, борону, сортовку, веялку и Петька сам все отвез и снова приехал за остатком. На следующий день приехали мужики на их коне и спросили пшеницу.

– Даю пшеницу, хоть сегодня забирайте.

Но они сразу записали, сколь мешков, и уехали, потом это, мол, пойдет на посевную.

– Ну, мать, теперь не одна будешь ты работать, и я буду чемто полезен. Берут меня в контору сторожем. Дети наши примут

новое, хорошее дело, видно, им наречено в жизни от бога жить

лучше, чем жили мы. Оно, брат, вместе-то дружно, и работать веселее, и жить легче. Не

нам распорядиться их жизнью, это видать

верный и честный путь, я рад за них, мать, ей богу – хоть уж давно перестал верить, с тех пор, как меня бог обидел, ногу отнял.

– Что ты, что ты, опомнись, ты еще самый счастливый, другие совсем не вернулись или вернулись, да помрачение получилось, в банды подались, теперь вот бродят где-то голодные-холодные. Так уж пусть, – сказала Арина, – только вот я, Паша, не честная к тебе! И всему свету!

– Как так? – изумился Павел и строго посмотрел на Арину.

– Этого не должно быть – я знаю! Ты верна мне, ты должна быть, во всяком случае, справедливой!

Арина улыбнулась и ушла в сенки.

Отец задумался:

– Вот это дельце! Вот это номер, эх, а я не знал!

Через несколько времени приходит Арина и подает в тряпице кошелек – тот самый, который она прятала на чердаке в

карнизе. Который много лет назад кинул им молодой красивый разбойник.

– Где взяла? Что это? Чей? – и подозрительно посмотрел снова.

– Вот, Пашенька, моя неверность! Хранила я это горе, не признавалась тебе – боялась, снова выкинешь. А ведь это же золотые!

– Только и всего? – обрадовался Павел.

– Только и всего, столь их и было, – оправдывалась она перед мужем.

Павел усмехнулся и радостно выпрямился:

– Ну, это дело – полдела исправимо, справимся!

– Не говори, Паша, так, а лучше вспомни, как он попал к нам.

Ты грешил на Агапку.

– Бабки Агапки давно уже нет с нами, а мы все на нее грешим...

а оно вот где таится – проворчал отец.

– Я ни одного зернышка не взяла, Паша! А как я нуждалась!

Его, видно, Петюнька тогда-то спрятал, а я нашла. Этот проклятый кисет – он мне всю душу вывернул, сколько ночей промучилась я, а сознаться – выкинешь и думать нечего. А если он вдруг

приедет к нам – кинула бы я ему в глаза, окаянному, и душе легче!

Павел медленно высыпал содержимое себе на ладонь, зажал в кулак и долго думал, уставясь в пол. Наконец встал, высыпал все золото в кисет, т.е. тот же кошелек, и сказал:

– Оно нам ни к чему, Ариша, мы не знаем ему цену. Пусть оно даст пользу и добро иному делу, новому. Я его отнесу.

Павел здал золото, на которое купили пшеницы и облегчили посевы колхозу.

– Дурак Павел, даже золото отдал!

А Рябиныны радостно улыбались.

Второй девочке, Даше, сровнялось десять лет. Мать ее сильно и непоправимо заболела.

Она стала долго и натужно кашлять.

Здоровье ее с каждым днем ухудшалось. Но, любительница с молодых лет ходить за ягодой, она и при болезни усидеть не могла. У ней

начиналась болезнь легких. Однажды осенью Арина позвала свою

приятельницу сходить на горы за ягодой, за крыжовником и кислицей, та согласилась.

Идти далеко. Но с разговорами идти незаметно.

Шли долго до того места, где часто набирали в прошлые годы, когда много уродит ягод. Таких угодий ближе нет как на том месте,

они это знали одни. Дойдя впились сразу, не присели нисколько, не остановились отдохнуть с дороги. А еще же карабкаться надо повыше, внизу-то нет ничего. Добрались. Нагрузились порядком, да еще по узлу на корзину сверху положили, и потопали домой.

Не успели отойти от горы, как на них налетел молодой мужик –

Сема-огородник. Так называли его за то, что он был бригадиром огородной бригады совхоза. Поселка, около которого протянулась

гора с множеством ягоды. Никто, никогда не запрещал здесь их собирать. Совхозные люди и колхозники из их села, почти все были

родными между собою. То сестра, то кум, то сват, то брат, то просто знакомые между собою, здесь были жители на совхозе и из

села, откуда пришли они.

В деревню они приезжали по всякому делу. Сельчане в совхоз

шли как домой. Чего ему вздумалось нарушить это дорогое родство между селами. Его совсем не касались эти ягодные угодыя, но

он вдруг подъезжает к ним и с завистью крикнул:

– Чего несете, откуда?

В душе решил – сорвать, раздавить те сокровища, уплывающие от его рук, что достались им очень дорого. Руки были все исцарапаны колючками кустарника, усталостью от ходьбы и лазанья по уклонам.

– Чего несете, я спрашиваю?

Но они молча посторонились и снова пошли дальше.

– Что несешь, мать-деремать, – крикнул он, соскочил с коня,

подбежал к Арине, рванул с плеч двухведерную корзину, которую

всегда набирала полную и еще узел положит сверху, она. Такой целью задавалась всю жизнь: чтоб набрать только полную, только больше и больше, а как нести? – Донесу как – нибудь, – но это стоит всегда не даром для здоровья.

С нее слетел узел – в нем тоже было землю, он топтал ногами. Не успел разрушить одно, как сорвал

с другой, так же быстро расправился с трудами, на которые с исцарапанными руками ухлопали целый день эти женщины. Когда все потоптал и сделал месиво – отъехал в сторону. Женщины стояли с разинутыми ртами.

Огородник закончил свое дело, грозно закричал:

– Вот вам – нате, жрите! Это наше добро, не имеете права заходить на нашу территорию, – вскочил на коня и был таков.

Опаленные горем, подобрали они пустые корзины и побрели обратно в свою деревню.

Всю дорогу проплакали бедные женщины. Какое горе, какая досада, очень обидно!

Пришла Арина домой еле живая, опухшая от слез, разбитая от горя. Дашутка кинулась к матери, но та ей сказала:

– Уйди, не до тебя, – и упала поперек кровати.

Даша кинулась за отцом, он притопал и не понял сразу, что случилось. Кое-как смог добиться отец, в чем дело. Арина

кое – как объяснила и снова упала.

Павел на одной здоровой ноге рванулся куда-то и мигом примчался верхом на коне, с ружьем на плече.

– Где он, стервец этот, – крикнул Павел с коня, и Арина поняла, что дело плохое – он убьет его, что тогда?

Она кинулась к Павлу, хоть чувствовала, что она в этот день

очень заболела, ее легкие осложнились, она погибла, но – собрала все силы, протянула вперед руки и умоляюще произнесла:

– Паша, милый, родной, не ездь! Брось, опомнись, не ездь! –

Она потянула его за ногу, дергала коня за повод, умоляла и плакала.

Павел обозлился и толкнул ее ногой. Арина отшатнулась, сразу прекратила плакать и серьезно взглянула на Павла:

– Езжай, если хочешь! – сама повернулась и ушла в избу.

Павел сполз с коня, вошел в избу и настойчиво потребовал:

– Где он был, где встретили его, я спрашиваю?

Арина обернулась, посмотрела на него, шагнула к корзине, подняла обрывок веревочки и сказала:

–

Езжай, давай! Вот Паша, гляди: поедешь, а мне вот что и хватит. Ищи его, беззаконника тебя – не потерплю, поня л? Хватит!

Павел поганошился, потоптался и бросил ружье на лавку.

Ушел, походил по двору, немного остепенился и вошел снова.

Более спокойно спросил:

– Но все же ты мне скажи, Ариша, где он вас встретил? Я же должен его наказать! Чтоб дальше ему неповадно было!

– Нет, не скажу! Чтоб не наделал ты чего еще дурнее – отпусти коня на бригаду и ружье отнеси, где взял его!

– Дашутка, – крикнула мать в сенки, – все двери были открыты, слышно кругом до самого огорода.

Дашутка прибежала, всунулась в окно и спросила:

– Чо, мама, ты звала?

– Да, звала. Отведи-ка коня на бригаду. Отец взял на бригаде для дела, да отдумал ехать к куму, но вот отведи, дочка, потихоньку.

Отец подкинул за одну ногу легкую Дашутку, подал повод, открыл ворота, и Дашутка поскакала, подпрыгивая во все стороны.

По двору ходили куры, горланил петух. В углу у сарая сидела большая серая собака. Тихо кругом, ни ветерка.

Отец сел на бревно, которое лежало для распилки на дрова, и заплакал, не мог совладать с собой. Вышла Арина, бледная, осунувшаяся и как после долгой болезни пошатывалась:

– Не плачь, Паша, еще успеешь! – пожалела она и села рядом.

– Упадет девчонка-то!

– Но девчонка, как мальчишка, помогает дома, как может! – И не впервой ей скакать на коне верхом, и на неоседланном.

Отец по своей инвалидности работал на закрепленном за ним коне, а на ночное отводили в бригаду. Отводила всегда Дашутка.

Мальчишки всегда завидовали ей, и от зависти кидали в коня камнями, но если попадали, то конь рванет и бежит сколько есть сил прямо

в ворота бригады. Как только Дашка выезжает на коне, тут как тут всегда навстречу Колька, вечно злой и рыжий мальчишка, полный нос веснушек. Отец его ежедневно порол, что он плохо учил уроки.

Только Дашка выехала из-за угла, как Колька налетел и кинул палкой. Палка угодила коню по колену, и он прыгнул и понес на своей спине десятилетнюю наездницу. Дашка успела крикнуть:

– Докидайся, Колька, тятка тебе все уши оборгает! – Конь умчал Дашку из виду.

Колька захохотал:– Пока он доберется, я вперед тебе обортаю!

– Гнедко понес Дашутку вскок, куда попало. Дашка вцепилась за гриву коня, опустила повод и молча скакала. Платье вздулось пузырем, волосы дыбом. Дашка влетела в ворота бригады, потому что конь во весь опор ворвался во двор, стараясь задеть боком о столб у ворот, и резко остановился у колоды. Об ворота хотел скинуть необычную наездницу.

Выскочил конюх, развел руками и расхохотался:

– Вот холера, уцепилась, как кошка, и не слетела, а конь-то и седока не слушает! Но и седок, язви его! – раскатываясь смехом над ее видом, пошел, снял Дашку и поставил на землю. – Другой раз кальсоны одевай, всадник, а то конь-то чует, что всадник-то безштаный. Не залазь больше! Отец доиграется – лучше так бы отпустил, сам добежит, без наездника – не шибко далеко!

Дашка пошла домой, затая злобу на обидчика:

– Ну, Колька, тятке я не скажу – горяч больно, а Андрюхе обязательно, – и не заметила, как поравнялась с домом Кольки.

В это время Колька высунулся в окно и состроил рожицу.

Дашка, долго не думая, поднимает с земли увесистый камень и кидает в окно Кольке:

– На, получай, обезьяна!

Дашка попадает в оконный переплет, и стекла как не бывало. Что-то затопало, застучало, хлопнули двери и... а в это время

Дашка мчалась домой, закидывая высоко ноги, и не успела захлопнуть ворота, как подлетел Колька, а Дашка уже на крыльце

своего дома, а во дворе большая серая собака.

Сначала Колька подумал: «Выбью я им тоже, – и квиты», но отца Дашки все боялись, особенно мальчишки. Колька вышел и пошел домой, а в окно показал Дашке кулак.

Мать поняла, что опять, варнаки, подрались – как мальчишка

дерется, вот девка!
– Что у вас там случилось, Даша?
Даша молчала.
– Отца нет дома, рассказывай! В чем дело? – сердито приказала мать, – что наделала, говори!
– Я ехала, а он коня пугнул, и я чуть... – и заплакала.
– Ну и что дальше? Ты упала – нет?
– Нет, – промычала Дашка. – Я шла обратно, а он рожи сказал в окно. Я кинула камнем в окно...
– Все ясно – ты хулиган! – Мать встала, скрестила руки на груди и задумалась: Что же делать? Отец придет, и те придут – он пороть будет ее, не отберешь.
Скрипнули ворота, пришел отец.
– Ну вот, дождались! Сейчас он тебе, шельма, задаст и в кого только уродилась? Последняя, балованная, парнишкой, видно, надо было быть тебе! – Мать села на ящик, стоявший у кровати и поглядела на дочку.
Дашка зыркнула на мать глазами и, как кошка, прыгнула на печку, забила в угол и задернула занавеску.
Отец замешкался в сенках, как кто-то залетает в ворота – это Колькина мать и ее рыжий сынок. Мать тащит его за руку. Собака кинулась навстречу, громко лая, и, сколько хватало цепи, натягивалась, хрипела, прыгала.
– Цыц, окаянный! – замахнувшись батоном, прикрикнул отец. – Больша, сватать идут? – пошутил он.
Мать Кольки метнула глазами, как молниями и приказала проводить в избу.
– Где ваша девчонка? – строго спросила она.
– Заходи, заходи. Не знаю пока, где наша девчонка – коня отводила, а где теперь – увидим, поди.
Протолкнув вперед свое чадо, которому уже тринадцать лет, а Дашке всего десять, вошла сама. Отец, войдя, сел на кровать, а мать с Колькой сели на лавку.
– Ну, рассказывайте, с чем пожаловали, – сказал отец.
И мать Кольки стала говорить, кричать то, что совсем не видала. Колька рад: «Во мамка за меня как! Ох и дадут теперь ей ,о-ёё!»
Отец выслушал молча, ничего не сказал. Мать, прижав руки, продолжала стоять, ожидая, что же будет дальше.
– Но, расскажи теперь ты, что и как дальше было?
Колька думал, что Дашки дома нет, и сказал, сопя носом:
– Она ни с того, ни с чего взяла на меня наехала, а я отскочил, а конь напугался и понес ее, а обратно шла, швырнула каменюку вот эту в окно, притащив с собой здоровенный булыжник.
Дашка не вытерпела:
– Врёшь, рыжий, – высовываясь с печки, – сам коня пугал, камнями бросался. Я чуть не упала – спроси у дяди Стены! А шла домой – он меня дразнил, – и показала, каким камнем бросалась примерно.
«Рыжик» посмотрел и потупился.

- Но вот, где правда – не найдешь! Придется спросить Степана. Но конюх шел к ним сам. Под окном постучал, мать открыла ему створки. Он по пояс перевесился в избу и поздоровался.
- Что-то вы все насупились?
- А те чо? Пришел сюда – звали? – заворчала Колькина мать.
- Да, собственно, не к тебе, по-моему, и не суйся, куда не надо, – зная ее плохой характер и повернувшись к Павлу, сказал, – дядя Павел, ты шутки брось! Как бы тебе ребенка не лишиться, ведь так и до греха недалеко!
- Что, в чем дело? – спросил отец.
- А вот сегодня влетает Гнедко на всем скаку, и на нем ваша девчущка. Конь-то норовистый, о ворота седока сбивает не первый раз, а ваша залетает – волосы дыбом, платье на голове, и по поясу голая. Уцепилась за гриву, бела-белехонька – испугалась шибко, глазенки вытаращила, а стал снимать – не отдеру рук от коня, трясется вся.
- Кое-как снял, пошла и зашаталась. А в воротах, так и гляди – ноги переломает. Тогда будут рядить да судить – что смотрел, почему ребенок баловался? А эта – «Чо пришел, да кто те звал?» – вот надо, и пришел! Трудно самому, пусть Андрюшку бы отослал, но не ребенка, да еще девчонку.
- Андрейка рыбачит, дома не сидит – опять пескариков надергает, – погордился отец и потупился.
- Конюх ушел, не простившись. Все молчали.
- Пошли, мам, домой, – сказал Колька. Мать встала и, дойдя до порога, взялась за дверную скобку: – Но что, вставлять будете или как? – спросила она. Павел окрысился:
- А чего мы-то будем вставлять, а если бы убил конь Дашку, кто вставил бы ее на место? Кто вернул бы мне ребенка? Но я не такой – возьми мою двойную раму, не могу же я нести тебе, и мать тоже – не обедняем.
- Не возьму я вашей рамы, ту вставим.
-
- Но и ты скажи сыночку, что еще раз пугнет ребёнка, тогда я вас пугну – пугну как надо ! А сейчас, мать, отдай ей из двойных.
- Не надо нам вашей двойной, свою встеклим, – заговорила она довольно мягче, и ушли домой со своим сыном.
- Арина понемногу болела. Дашутка подрастала и неотлучно следовала за матерью. Случались в доме праздники заводили, сходились родные и друзья, приглашенные, гостей собиралось полон дом.
- Дом купили большой, широкий, с огромным крыльцом, с глухим обширным двором. Гости, подвыпившие, шумели, веселились, пели, плясали, кто как мог. И в это время звали детей – Дашутку и Андрея.
- А ну-ко, Андрюшенька, тряхни стариной, давай, Андрюха, давай, стряхни кудрями!
- И небольшой белоголовый мальчик с жиденькими волосенками выходил на круг.

– Давай нашу любимую, гармонист, – просили гости, – и русская гармоника, широко разводя руками, заиграет с выходом цыганочку, которую мог и любил танцевать только Андрюшка. Одной

рукой взмахнув и приложив ее к затылку, другой ударив по запятнику ботинка или валенка, или просто босиком, пускался в круг и постепенно увеличивал быстроту движений, и, наконец, до того красиво, что старший танцор мог позавидовать его отчаянной пляске, вертелся Андрейка как настоящий цыган.

Дашку уже не просили, зная наперед, что если она дома, то звать не стоит, забьется в угол, не пойдет, а не позовут – она немного обождет и вылетит и перепляшет, под общий смех, веселье гостей.

Так и есть – Дашка на круг, бешено трясет своими маленькими плечами, топает ногами, вскидывая руками, и забывая все на свете, кроме того, что она танцует.

Гармонист порядком уставший, прекращает игру и усталые дети падают в объятия гостей, которые с радостными криками целуют их, осыпают деньгами:

– За танец, дружок, за танец, не стеснясь, берите! А ну, давай, подставляй ладони!

Андрюшка вырывался и убегал, а Дашка все принимала и уносила, а найдя Андрейку, совала собранное ему.

– Уйди от меня, – кричал Андрейка и Дашке все доставалось, но не на Снова неумная Дашка следом ходила за братом и, зажав в кулачке деньги, умоляла:

– Возьми, Андрюшка, а, Андрюшка, на их!

Но Андрюшка уходил куда-нибудь во двор.

– Спасибо, уважили, – все наперебой хвалили и ласкались к танцорам гости. В избе было жарко в зимнее время от согретых разгоряченных тел. В открытую дверь, когда кто-нибудь входил или выходил, валил клуб пара.

Дашка кричала после того как уходили гости:

– Андреюшка-а-а! – и Андреюшка подходил.

– Чо орешь, дура?

Но Дашка была хитрая, сразу вдруг сделалась ласковая и хныкала, протягивает руки – «Возьми, Андрюша!»

– Другой раз не бери, – грубо заругает ее брат, сам возьмет из ее ладошки смятые бумажки и копейки.

Мать болела, но все же она ходила, хотя уже не работала.

В эту осень уродила хорошо черемуха и любительница ходила за ягодами, едва могла она утерпеть от искушения, как бы сходить.

– Пойду, – говорит, – немного наберу свеженькой, – сказала она отцу, – а потом съездим.

– Нет, – сказал отец, – не пойдем. Ты, мать, немного поправься, тогда съездим вдвоем – конь-то лучше довезет, чем идти. Хватит тебе мытариться – отдохни, поправься, потом все сделаем, еще не поздно.

Отец ушел на свою работу. В это время мать взяла корзинку, узелок с едой и ушла ненадолго. Целый день пробродила по

острову ягодники, по черемушнику – жаль оторваться от осыпанной черным бисером чащобы.

– Как же теперь нести-то, – подумала она, но напарница ей помогла поднять на плечи и пошли они домой. Вначале вроде бы

ничего немного, она почувствовала, что она ничего не ела.

– Давай, кума, посидим, – предложила она напарнице и та согласилась.

Сняли с плеч ягоду, сели на краю дороги подавать и слышат из кустов кто-то кричит: «Ау, бабы, не пора ли домой?!»

Кто-то совсем рядом отозвался и, немного погодя, из чащобы вышли две старушки с ведерками ягод. Немного погодя вышла и та, которая окликнула этих двух.

– А где же баба Анна? Надо ее кричать.

Но бабка Анна вышла сама с противоположной стороны.

Все сели рядом и захрустели огурцы и яйца. Подкрепившись, все сразу пошли домой, порядком нагруженные. Шли медленно тяжело согнувшись под тяжестью ягоды. До деревни было далеко, а на пути предстояло перейти протоку, в которой очень быстрая и холодная вода. Распотевшие и уставшие, они снимали свой груз и отдыхали. Отдохнув немного, перебрали холодную воду, но Арина подошла к реке, оглянулась на остановившихся женщин и вошла в реку. Ей не хотелось затруднять не менее уставших женщин. «Лучше я пойду понемногу».

По спине текло, а руки тряслись от усталости, потому что руками она держала корзину на плечах. Арина перешла потная реку,

холодную и быструю, и, шатаясь, все шла и шла в сторону своей деревни, все более отдаляясь от всех остальных женщин. Ей хотелось снять груз, постоять, отдохнуть немного, но близко никого не

было, они все отстали, а самой снять – потом не поднимешь.

– Пойду уж я потихоньку, тут уж недалеко.

У самой деревни ее догнали старухи, шли молча, понуря головы. Они сознавали, что у Арины больше груза и она нисколько не отдохнула.

Дома ее ждали одни неприятности. Принесенной ягоде никто не обрадовался, а наоборот, сильно переполошились.

Мать, едва переплетая ногами, вошла во двор. Шутка ли, приволочь болевшей женщине столько ягоды, не отдохнув, не снимая с плеч груза.

Во дворе стоял сын Петро. Он подскочил к матери и бережно снял груз на землю. Отец был уже дома. Он страшно заволновался, заплакал и ушел со двора.

Мать вошла домой и тихо повалилась на постель. Вошел отец, сел недалеко и сказал:

– На кой черт тебе эта черемуха сдалась? Не пройдет это даром, чует моё сердце!

Мать легла. Её стало морозить, трести, то стало страшно жарко. В ночь вообще стало совсем плохо. Всю зиму пролежала она, тяжело болела, и никакое лекарство не могло ей помочь. Что бы ни принимала, а лучше не было.

Отец часто плакал, ругая себя и все на свете за то, что как он мог проглядеть, что она ушла за этой злосчастной черемухой.

Никто не знал, куда ушла, думали, что у соседей сидит. Часто уходила она раньше – то прядет, то вяжет и разговаривает. Никто не подумал об этой черемухе. Хоть бы кому сказала, да хоть встретили бы их вечером. Всю зиму болела мать, кашляла. Исхудала, есть ничего не хотела. А ранней весной она умерла.

Не расскажешь всего, какое горе пришло в дом маленькой Дашутки.

После смерти матери в доме все замерло. Отец стал часто плакать, после чего страшно напиваться, а опьяненный он просил детей:

– Спойте, детки, какую мать любила.

Но дети пели все и всякие, залезая на русскую печь, а потом тоже ревели и со слезами засыпали.

Праздники прекратились, соседи ходить стали все реже и реже и наконец совсем никто не приходил.

Вся тяжесть домашней работы легла на плечи одиннадцатилетней девочки: хозяйство, школа, огород, а уж игры отошли в сторону.

Ей так хотелось побегать, но строгость отца быстро состарила ее, и школа в зимнее время совсем отнимала все остальное. Да игры ее совсем не стали интересовать. Девчонки старались развеселить, но она на них как-то посмотрит и отойдет в сторону, часто плакала.

Андрюшка, чтобы развеселить ее, придумывал разные игры, шутил, кривлялся, лишь бы она смеялась.

– Даша, хочешь солнышко покажу? – однажды сказал он ей.

И не дожидая ответа открыл под пол западню, – полезай на приступку!

Дашутка посмотрела на него и полезла вниз, под пол, где хранили картошку.

– Садись на первую, – скомандовал он и накинул на нее шубу,

– смотри в рукав!

Даша, прикрывшись шубой и уставилась в рукав, который Андрюшка держат одной рукой.

–

Лучше смотри, прижимайся лучше, – и маленькая Шевченка Дашутка плотно придала рукав шубы, – лучше, путём держи! Дашутка плотно прижала рукав шубы, – лучше, путем держи!

Даша поверила брату, взрослый же, скоро шестнадцать.

Даша держит на лице шубу, а глазами смотрит в рукав в избу, на свет. И вот вдруг чем-то обожгло ее, и она сразу задохнулась, рывком сбросила шубу, и одним прыжком оказалась в избе, вся мокрая. С нее текло, она вся побледнела и не может понять, что случилось с ней. Посмотрела на брата и все поняла, – который прыгал, хохотал, с железным ковшом, из которого только что вылил в рукав на лицо

Дашке воду.

Дашка обтерла платьем лицо и косо посматривала на хохотавшего брата, который от смеха то прыгал, то до полу наклонялся,

хлопал себя по коленям. И вот, только наклонился он низко, как

Дашка схватила ведро, а в нем половина холодной воды, и окатила со спины с головы до ног той самой, которой только что была

облита сама, прыгнула на печь и вооружилась большой железной клюкой, посматривая исподлобья.

– А-а-а-а, – на одном месте прыгал брат, мокрый с него стекала вода. На полу была целая лужа. – По-по-го-д-ди, ду-ра-а-а, получишь, – кое-как смог сказать он, и хотел было добраться до нее,

как в двери появился отец. Все мигом стихло. Андрюшка кинулся собирать тряпкой воду, а Дашка спряталась за занавеску.

– Что тут творится такое? – спросил отец, а сам сел на табуретку у печки и думал о чем-то далеком, своем.

– Я, тятя, сам нечаянно облился, забыл, что дома.

– На дворе и обливался, да фокусы строил! Строитель нашелся.

Подбери все, грязину развел!

Дашка молчала.

День был скучный, пасмурный. Находил дождь. По небу шли тяжелые, темные тучи, на печке хорошо, тепло, и мокрая Дашутка прикорнула на подушку, накрылась какой-то тряпкой и уснула.

Отец вышел, ничего больше не сказав сыну, а Андрейка прыгнул на печку, стоя на подножке у печи хотел Дашку подергать за

косы, но увидел – Дашка спит, постоял, посмотрел и принес старое отцово пальто, накрыл сестренку.

Назавтра они снова помирились, но маленькая Дашутка ходила по-прежнему угрюмая, тихая и какая-то задумчивая. Или возьмет книгу в руки и смотрит в нее, только сидит, не видя в ней страниц.

Так может посидеть угодно, пока её не отвлечет какой –нибудь шорох или стук. Брат начал уже чепуриться и по вечерам выходить как взрослый. Но парни его еще отгоняли:

– Кыш по домам, мыши, мамки ищут!

Андрюшка ежедневно гладил свои брюки, рубашку и прогладив вечер, не успевая побегать, слышит – отец его уже крикнул

– иди домой. Ослушаться отца страшно было, побьет.

Днем он уже работал, а однажды попросил Дашку, чтобы она ему погладила брюки и рубашку, – А то я не успеваю, – сказал он так ласково, что отказать не нашлось сил.

– Сегодня суббота, все в клубе будут, и я пойду!

– Ладно, – сказала сестра, – поглажу.

Андрей ушел, а сестра нагрела утюг на углях и намочила брюки.

– Андрюшка семь раз будет гладить – так не выгладит, как я, – подумала она, – и лучше меня никто не выгладит, – радовалась она.

Разложила брюки по швам, не прикрыла никакой защитой и давай шоркать туда-сюда огненным утюгом, только пар валит тучами, пока не высохли под утюгом до лоска и до того блестяли, даже не сгибались, как стеклянные, даже смотреть больно на них. И рубашку не забыла: «Что ему самому гладить – я сумею».

– Погладила, сестренка? – весело спросил он, придя с работы.

– Конечно, – гордо ответила она, – не так, как ты, – подавая ему хорошо сложенное украшение.

Андрей и взглянуть не успел, все понял, хлопнул себя по лбу ладонью и дико взвыл от горя.

Штаны его новые, хорошие, как два паруса развевались плашмя в разные стороны, с блеском наводили ужас на своего хозяина.

– Дура безумная, что ты наделала? Испортила все, – схватил свои брюки брат и начал бить сестру по загорбку, потом упал на кровать и, царапая руками все, что попадало, выл и охал.

Побитая сестра взяла утюг, намазала его сажей, поводила им по белой рубашке на груди и кинула ему на спину:

– На тебе, – старалась, старалась, – не угодила!

Белая рубашка стала с черной грудью, лежала на спине у брата.

Накричавшись досыта, встал Андрейка и подумал: «Хоть рубаху надену со старыми брюками, что теперь с нее возьмешь?»

И только взглянул на неё, как завыл ещё сильнее – только что лежала белая, а стала – кто бы видел, какая.

Снова кинулся драться Андрейка, но Дашка стояла у печи с железной клюкой и приготовилась к драке, то есть к защите.

Андрейка, не ожидавший, что его могут ударить, смело полез с рубашкой к Дашке, не успел огреть, как получил страшный удар по плечу, и из рук сразу выпали брюки и рубашка. Пока Андрейка одумывался, Дашка выскочила во двор, спряталась под амбаром. Там была солома, неслись куры, и никто не мог больше туда пролезть, даже

Андрейка. Дашка росла бойкая, верткая как юла – затаилась и легла на солому, решила: «Не вылезу, теперь он и вовсе драться будет».

Стало темнеть. Андрейка стал посматривать по сторонам – где же она убежала, уже темно, сыро, даст теперь мне отец и начал ее искать. Сначала потихоньку, потом по-быстрее, и когда пришел отец со старшим братом, обыскали все и всех, а ее нигде не нашли.

Вечер был испорчен, никуда не пошел, нельзя.

Всю ночь ждал отец, а девочки не было. Она спала под амбаром, на сырой земле, на чуть-чуть накиданной соломке.

Утром отец строго спросил:

– Сознаться, что случилось, где ребенок?

Андрей сказал, что побил ее – она испортила мне брюки и т.д.

Отец долго и строго посмотрел на Андрея и сказал:

– Не найду ребенка – пеняй на себя, Андрюха – ты меня знаешь!

– Да-а, – жалел Андрей, – пропал вечер. Она виновата, да еще ищи ее теперь. Целую неделю ждал субботы, а она все испортила, теперь куда-то ушла.

Дашка уснула под амбаром, не зная того, что тот же вредный ее брат Андрюшка искал ее вместе со всеми мальчишками – друзьями по всей реке, даже там, где река извивалась и немного сужалась.

Но ни живой, ни мертвой ее не находили. Вся улица всполошилась – потерялась девчонка.

Отец, расстроенный, не спавший, сидел молча, на вопросы не отвечал, за него отвечали уже соседки.

Кто-то додумался – не под амбаром ли, с испугу куда хочешь залезешь. Кинулись туда, а пролезть-то никак.

Одного мальчика попросили: «Слазь», – и он быстро нырнул

туда. Только ноги скрылись, как он истошным голосом закричал и быстрее белки выскочил из-под амбара:

–

Она мертвая там! Там она! Стали кричать, звать ее, но тихо, никто не отзывается.

– Ломай пол амбара, – кричал отец.

Петро быстро вывернул две доски и нырнул под пол, а через некоторое время вытащил на руках сестренку, как плеть обвисшую, с опущенной головой, с закрытыми глазами.

Тут появилась скамейка с положенной на нее фуфайкой и Дашу положили на нее. Все захныкали и больше все Андрюшка.

Дашка была бледна и почти не дышала, но она была жива.

Старший брат прислушался на груди у ней и тихо сказал:

«Обморок».

Андрюшка упал к ней на грудь, к лицу своим мокрым лицом, голову обхватил своими руками и кричал:

– Дашка-а-а, а Даша-а, но чо ты, но чо ты? Посмотри-ка, что я, это мы, Даша, я сроду тебя не трону, проснись, Даша!

Он напугался, что его теперь отец заперет ремнем насмерть или бичом – он его уже хлестал, так сильно, что сидеть две недели было нельзя.

Однажды пригнали в колхоз первый трактор, как Андрейка и его друзья побежали смотреть, как железяка гудит, поворачивается и скребет землю когтями, и пробегали до полночи, а ночью

воротиться одному страшно, а друзья не хотят и Андрейка бегал за ребятами так, без любопытства, скорее от страха, позади всех, и меньше всех ростом.

Трактор остановился и из-за трактора появился отец на коне верхом, с длинным бичом, о чем-то поговорил с трактористом, и Андрей понял, что за ним. Андрей пустился бежать домой один, а за ним отец на коне с бичом. А дома он сильно побил бичом его так, что тот еле мог двигаться, за то, что он мог под трактор попасть. А Дашка заступилась и ей попало: она уцепила брата за руку, чтобы оттянуть от отца, а отец стегал Андрюшку раз, а Дашку два раза, пока не пришел старший брат и не отобрал детей.

Теперь Андрейка вспомнил все и так страшно стало: если она сейчас умрет – ясно, отец его или побьет или убьет совсем. Андрейка

тряс и кричал, но сестренка не просыпалась. Андрейка плакал навзрыд. Отец пожалел его и взял за плечи:

– Не кричи, сынок, бог даст – пройдет, – горько обливаясь слезами, отец клял себя и всю судьбу свою.

Дашку унесли домой. Люди разошлись. Самые близкие остались в доме. Через несколько времени очнулась девочка, посмотрела кругом: – Пить, мама, – прошептала она.

Все сразу заплакали – матери-то давно нет, уже второй год пошел. Плохо дело, видать – подумали люди. И Даша действительно

долго и тяжело проболела. Простудилась ночью, когда спала на земле.

Отец стал часто и много пить, а пьяный просил спеть.

Дети пели, но они росли и все время ему также пели, и всегда

на печи, на большой русской печи. Отец всегда плакал.

Он сильно сразу постарел, осунулся и, как все одинокие пожилые мужчины, выглядел неопрятно.

Андрей уже стал работать трактористом и вспоминая о первом его знакомстве с трактором, задумывался. Иногда рассказывал своим друзьям, и часто хохотали все:

– Ну как, Андрейка, за колесником не побежишь?

Даше шел уже четырнадцатый год, два месяца как уже четырнадцатый пошел. Трудновато приходилось рано осиротевшей семье, а особенно ей. Детство очень тяжелое, никому не пожелаешь такого. Но они жили, боролись и побеждали. Да корова вот у них была сильно злая. Никого не трогала, а ее, Дашку, просто ненавидела.

Невестка ее подоит и скажет:

– Отгони, Дашутка, на болото.

А Дашутка станет гнать, а корова ее гонит. Хорошо, что молодая да быстрая, выскочит вперед и мчится, сломя голову, а корова за ней. Отелится поздно и отсиживается дома, а раз дома, то пасут

на болоте за деревней, вернее, не болото, а широкий выгон – телят там пасут, гусей, больных коров и после отела.

Дашка сама ее так приучила – станет гнать, боится – бежит вперед. Корова за ней. А доходят до конца деревни, Дашка отскакивает в сторону, корова идет спокойно прямо к скоту и пасется.

Вечером тоже, не успеет крикнуть, как корова поднимает голову и мчится прямо на нее. Дашка видит: корова близко – с места рванет сразу на пятой скорости и до самых ворот своих. И бегут обе – кто кого перегонит, кто вперед до дому добежит. Такие прогулки удивляли всех, так как увидят их вдвоем – шарахаются в какие попало ворота, лишь бы их они не тронули.

Если Дашка подбегает к воротам и калитка закрыта, то уж некогда её открывать – тогда Дашка нырнет под ворота а корова тут как тут – рогами в доски бум-м, со всего размаха. Но вот несколько раз захватывать стала и у ворот, тут уж люди, кто видит, ругаться стали: запрет девчонку, что они дурака валяют, игрушки нашли? Если уж будучая такая, тут ведь люди кругом и ребятишки бегают. Кого-нибудь может этак вот пропереть или закатать, напугать. Некоторые смеялись, особенно ребята: вот мчатся наперегонки, никого не трогает, а ее одну – то ли играет, то ли закатать хочет?

До отца не доходило, что это серьезно или нет, он тоже смеялся. Во дворе-то она ее не трогала, ведь ходила же она мимо – и

поила, и сено кидала – ничего, а на улице – все!

Но однажды шел отец откуда-то и вдруг летят – Дашка впереди, корова за ней. Только подбегает Дашка до ворот, как хлоп ворота-то закрыты! Кинулась под ворота – и подворотня заложена.

Дашка – на забор, да возьми и сорвись! Шмякнулась и подняться не может, а та и давай рогами подтыкать, а мычит по-бычьи,

странно так. Испугалась Дашка, да как закричит благим матом.

Бегут люди, соседи с палками, а отец уже тоже подрыгал на своей деревянной ноге, как учешет батогом по бокам – а она хоть бы что, даже глазом не повела. Как прыгала возле девчонки, так и прыгает, подтыкает.

Выскочил, напротив жил, сосед огромного роста, с вилами, как ткнет ее в бедро – она сразу кинулась бежать. Ворота уже открыли и она нырнула туда, гляди – снова воротилась и опять летит на улицу. Кровь хлещет из бедра, а соседи кричат: «Пусть, так и надо ей,

будет знать, дура рогатая, зачем своего же обидела, у-у она, она, теперь каждый день будет так, пока не проколет насмерть.

Кто кричит: «Убрать ее, кто – ничаво, обмелится, девку не посылай только. Но кого же больше, как не ее?

– Я не видел, – сказал отец, – вроде смиренная была, да жалко, молочная шибко корова, такой не найдешь сразу.

Эту корову сбыл, купил другую – детям без молока не жизнь в деревне.

– Не гоняй ее так, приучишь, смотри и эту.

Но эту не пришлось так гонять, ее невестка утром забирала в пять часов в общий табун на целый день. Вечером, в восемь часов шли встречать её, но не успеешь, значит не найдёшь, она пошла

по чужим огородам шастать, капусту объедать. Горе, а не корова.

Найдет ее Дашка и плетется с хвостиком сзади: «Околела бы ты, дура пузатая!»

Стыдно вроде идти сзади, все смотрят, а пацаны: «Тю, отбегала, идешь как панева, ха-ха!»

– Дурак, – плюнет на него Дашка и отвернется с обидой.

Отец не пускал Андрея на улицу вечерами, хотя стал уже он мешаться между взрослыми парнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.